Ч 404
353

Л. А. ЧАРСКАЯ

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ

ИЗДАНІЕ
Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

И 404/353

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ

СОЧИНЕНІЯ Л. А. ЧАРСКОЙ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И ДѢТЕЙ:

Записки институтки.
Княжна Джаваха.
Люда Влассовская.
Вторая Нина.
Смѣлая жизнь.
Газаватъ.
Евфимія Старицкая.
Лизочкино счастье.
Записки сиротки.
Тасино горе.
Первые товарищи.
Юркинъ хуторокъ.
Веселая дюжинка.
Когда мы были маленькіе.

Ч-223 И 404/353

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 10 ориг. отдѣльными картинами худ. Э. К. Соколовскаго

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
• С.П.Бургъ - Москва •

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С·ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС · ОСТР · 16 ЛИНІЯ СОБ · ДОМЪ ·

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
Д23-12115
ф 12819-42
2015188365

КНИГА ИМЕЕТ:

листов Печатн.	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка № порядковый	19 г.
9					10			

828

МОЕМУ ДОРОГОМУ СЫНУ ЮРИКУ

ЭТУ ПОВѢСТЬ

ПОСВЯЩАЮ

Л. Ч.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
ГЛАВА	I. Маленькій пансіонеръ	1
»	II. Среди новыхъ товарищей	5
»	III. Нежданные враги	8
»	IV. Борьба.—Неожиданный покровитель	12
»	V. Урокъ ариѳметики.—Казаки и разбойники	15
»	VI. Кошка и мышка	21
»	VII. Уроки.—Мудрецъ и огородники	24
»	VIII. Вечеръ въ пансіонѣ	29
»	IX. Стеша, какъ героиня	33
»	X. Кочерыжки	36
»	XI. Попались!	40
»	XII. За чернымъ столомъ	45
»	XIII. Месть Принца	48
»	XIV. Въ карцерѣ	51
»	XV. Принцъ—дѣвочка	55
»	XVI. Маленькіе защитники	60
»	XVII. Худышки	64
»	XVIII. Печальное происшествіе	68
»	XIX. Послѣдствія	72
»	XX. Онъ не виноватъ	76
»	XXI. Принцъ въ гостяхъ у Сережи	79
»	XXII. Новая затѣя	81
»	XXIII. Снѣжная баба	84
»	XXIV. Пушку изводятъ	87
»	XXV. Облава	91
»	XXVI. Арапка виноватъ	94

		стр.
ГЛАВА	XXVII. Адочка въ роли защитника	101
»	XXVIII. Двѣнадцать рыцарей и одна королева	105
»	XXIX. Горе Мартика	111
»	XXX. По секрету	114
»	XXXI. Лотерея	119
»	XXXII. Циркъ Чинизелли	125
»	XXXIII. Принцъ горитъ!	130
»	XXXIV	133

ГЛАВА I.

Маленькій пансіонеръ.

ЯРКОЕ солнышко заглянуло въ окошко и разбудило Сережу.

Проснулся Сережа, протеръ сонные глазки и уже снова было прикорнулъ на подушку, какъ вдругъ, что-то вспомнивъ, быстро приподнялся и громко произнесъ:

— Надо вставать! вѣдь сегодня я поступаю въ пансіонъ.

Проворно натянулъ Сережа чулки и башмаки на свои крошечныя ножонки и крикнулъ няню, чтобы она дала ему умыться. Вошла няня, полная, добродушная женщина, Домна Исаевна, бывшая кормилица Сережи, которую и Сережа и его шестилѣтняя сестрица Адочка любили, точно родную.

— Ну, что такую рань поднялся? шутливо заворчала Домна Исаевна.

— Что ты, что ты, няня!—замахалъ на старушку обѣими руками Сережа,—развѣ ты забыла, что я ѣду сегодня въ пансіонъ?

Сережа говорилъ правду. Его мама рѣшила отдать своего мальчика въ учебное заведеніе г-жи Власьевой полнымъ пансіонеромъ.

Поступая туда, Сережа цѣлую недѣлю долженъ былъ проводить въ пансіонѣ и только по праздникамъ могъ приходить въ отпускъ домой. Поэтому поступленіе въ пансіонъ составляло большое событіе не только для самого Сережи, но и для всѣхъ домашнихъ.

И няня Домна Исаевна, переставъ ворчать на своего любимца, начала поливать изъ большого кувшина на маленькія ручки Сережи холодную свѣжую воду.

Едва Сережа успѣлъ умыться, какъ вбѣжала его сестра Адочка и повисла у него на шеѣ. Смѣясь, малютка разсказывала брату о томъ, какихъ потѣшныхъ маленькихъ человѣчковъ видѣла она во снѣ, потомъ— что Арапка, ихъ большая комнатная собака, пришла ее будить рано утромъ и какъ няня разсердилась и прогнала Арапку. И Адочка, вспомнивъ, какъ потѣшно няня сердилась и гнала Арапку, залилась громкимъ хохотомъ.

Но Сережѣ было не до смѣха. Его бѣлокурая головка была очень озабочена предстоящимъ сегодня поступленіемъ въ пансіонъ.

Онъ только улыбнулся въ отвѣтъ на смѣхъ Адочки и, помолившись Богу, пошелъ въ столовую.

Мама была уже тамъ.

— Ну, пансіонеръ, здравствуй! — ласково улыбнулась она мальчику и подала ему большую чашку съ дымящимся кофе.

Сережа пилъ кофе, ѣлъ сдобныя булочки и все время думалъ, какъ-бы ему не опоздать въ пансіонъ.

Когда на большихъ столовыхъ часахъ пробило девять, мама сказала:

— Ну, Сергунчикъ, собирайся, пора!

Сережа не заставилъ себя долго просить.

Онъ быстро одѣлся, поцѣловалъ Домну Исаевну, поцѣловалъ Адочку, поцѣловалъ большую добрую морду Арапки и вышелъ на лѣстницу въ сопровожденіи мамы.

Въ ту минуту, когда няня Домна Исаевна собиралась закрыть входную дверь, вдругъ послышался звонкій и нѣжный голосъ Адочки:

— Подожди, Сергунчикъ, я хочу тебѣ что-то подарить.

Мама и Сережа молча переглянулись, не понимая, что могла подарить Адочка своему старшему братцу.

А она уже стояла передъ нимъ на площадкѣ лѣстницы, примыкавшей къ ихъ квартирѣ, и протягивала ему что-то тщательно завернутое въ бумажку.

Сережа развернулъ бумажку и увидѣлъ однорукую маленькую куколку Адочки, ея любимицу Стешу.

— Зачѣмъ-же ты мнѣ ее даешь, Адочка?—удивился Сережа и затѣмъ возвратилъ сестрѣ куколку, но Адочка упрямо заговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь ее себѣ, я тебѣ ее дарю. Съ ней тебѣ не будетъ такъ скучно въ пансіонѣ. Когда тебѣ станетъ скучно, ты съ ней поиграешь.

— Да ты сама по ней соскучишься, Адочка,— пробовалъ Сережа уговорить сестренку.

— Нѣтъ, нѣтъ,—лепетала Адочка и даже слезки

навернулись на ея длинныя черныя рѣсницы,—нѣтъ, нѣтъ, я не соскучусь, вѣдь я останусь дома съ мамой, Домной Исаевной и Арапкой, а ты одинъ, среди чужихъ мальчиковъ, проведешь всю эту недѣлю. Такъ пускай съ тобой будетъ хоть Стеша! Пожалуйста, Сергушекъ!

Сергушекъ взглянулъ на Адочку, на ея полные слезъ голубые глазки и вдругъ крѣпко, крѣпко обнялъ сестрицу.

Однорукая Стеша осталась у него.

ГЛАВА II.

Среди новыхъ товарищей.

СЕРЕЖА старался быть спокойнымъ, чтобы не огорчать маму, но все время пути отъ ихъ дома, вплоть до самыхъ дверей пансіона, онъ волновался и сердце у него щемило отъ страха.

Когда, въ прихожей пансіона, сѣдой сторожъ Вавилычъ снялъ съ него пальто и пригласилъ его съ мамой послѣдовать за нимъ, Сережа совсѣмъ оробѣлъ и сконфузился.

Они прошли цѣлый рядъ большихъ и красиво убранныхъ комнатъ, пока въ одной изъ нихъ не увидѣли небольшую полную даму, привѣтливо отвѣтившую на поклонъ Сережиной мамы.

Эта дама и была г-жа Власьева, начальница пансіона, въ который поступалъ Сережа.

— Привезли сынка?—ласково обратилась Власьева къ мамѣ. — Ну, вотъ и отлично. Мальчикъ большой, пора учиться. Не хотите-ли проводить его въ классъ?

Мама охотно согласилась на предложеніе начальницы, и они всѣ трое пошли на ту половину, гдѣ помѣщались классы.

Длинный коридоръ очень понравился Сережѣ. «Здѣсь отлично можно бѣгать и играть въ лошадки»,—подумалъ онъ и пожалѣлъ, что Адочка не можетъ бѣгать съ нимъ вмѣстѣ.

— Ну, вотъ и твои новые товарищи! — сказала начальница, обращаясь къ Сережѣ, когда они вошли въ классъ, гдѣ сидѣло на скамейкахъ за темными длинными столиками около двѣнадцати мальчиковъ одного возраста съ Сережей.

Отдѣльно, посреди класса, за маленькимъ столикомъ, сидѣлъ учитель, очень строгій на видъ, съ синими очками на носу.

Сережа съ любопытствомъ оглядывалъ классъ, а мальчики, вставшіе со своихъ мѣстъ при входѣ начальницы, въ свою очередь разглядывали Сережу, какъ невиданнаго звѣрька.

Сережѣ стало неловко и грустно—грустно потому, что ему приходилось сію минуту проститься съ мамой, которую онъ уже не увидитъ цѣлую недѣлю, до субботы, когда ихъ на двухдневный отпускъ распустятъ по домамъ.

Мама точно поняла, что происходило въ душѣ мальчика. Она крѣпко обняла Сережу, перекрестила его нѣсколько разъ и нѣжно шепнула ему на ушко:

— Не скучай, мой мальчикъ. Въ субботу увидимся. Мнѣ пора домой.

Сережа считалъ себя «молодцомъ» и всѣми силами старался удержать набѣгавшія на глаза непрошенныя слезы.

Онъ крѣпко поцѣловалъ маму и обѣщалъ ей не скучать, быть умнымъ мальчикомъ и прилежно учиться.

Когда мама въ сопровожденіи начальницы вышла изъ класса, Сережа почувствовалъ себя ужасно одинокимъ.

ГЛАВА III.

Нежданные враги.

ЧТОБЫ какъ-нибудь успокоить себя, Сережа сталъ разглядывать своихъ сосѣдей. Нѣкоторые изъ мальчиковъ были старше его, другіе моложе.

Особенно привлекъ вниманіе Сережи рыжій мальчикъ, сидѣвшій съ нимъ на одной скамейкѣ. Это былъ большой шалунъ и проказникъ. Какъ-только отворачивался учитель, рыжій мальчикъ дѣлалъ такія смѣшныя рожицы, что, какъ ни грустно было на душѣ у Сережи, онъ едва могъ удержаться отъ улыбки.

— Какъ тебя зовутъ?—шопотомъ обратился рыжій къ Сережѣ.

— Сережа!—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вотъ и совралъ,—тихо, чтобы не слышалъ учитель, разсмѣялся мальчикъ.

— Нѣтъ, не совралъ, — даже немножко обидѣлся Сережа,—меня зовутъ такъ.

— А фамилія твоя какъ?—не унимался рыжій.

— Фамилія Горинъ.

— Ну, значитъ, тебя зовутъ Сергѣй Горинъ, а во-

все не Сережа!—захихикалъ рыжій и добавилъ такъ, чтобы слышали сидящіе кругомъ нихъ мальчики: — ахъ, ты мартышка!

Сережа обидѣлся на данное ему прозвище; дома его называли Сереженькой, Сергунчикомъ, Сергушкомъ, и названіе мартышки ему очень не понравилось.

— Я вовсе не мартышка,—обидчиво возразилъ онъ рыжему. — Мартышки сидятъ въ клѣткахъ въ Зоологическомъ саду, а я просто Сережа.

— Нѣтъ, мартышка,—не унимался рыжій. — Скажите, пожалуйста, обижаться еще вздумалъ... Ахъ, ты, гоголь-моголь ты этакій!

— Грушинъ!—вдругъ послышался голосъ учителя,— ты самъ не слушаешь и другимъ слушать мѣшаешь. Ступай въ уголъ и стой, пока не окончится урокъ.

— Виноватъ, Алексѣй Ивановичъ,—взмолился Грушинъ,—я больше не буду!

— Ступай въ уголъ!—еще строже повторилъ учитель и такъ сердито поверхъ очковъ посмотрѣлъ на рыжаго, что тотъ не посмѣлъ ослушаться и покорно всталъ у стѣны, рядомъ съ большой черной доской.

Но онъ никакъ не могъ уняться и продолжалъ дразнить Сережу и показывать ему языкъ.

Между тѣмъ учитель взялъ книгу со стола, подозвалъ къ себѣ Сережу, велѣлъ ему прочесть первую страницу. Мальчикъ учился читать съ мамой и особенно старательно относился къ своимъ урокамъ. Для своихъ восьми лѣтъ Сережа читалъ прекрасно и заслужилъ похвалу учителя.

— Очень хорошо, Горинъ,—сказалъ тотъ,—моло-

децъ! Вотъ, Грушинъ,—неожиданно повернулся онъ къ стоявшему у доски рыжему, который никакъ не ждалъ обращенія Алексѣя Ивановича и отъ неожиданности прикусилъ языкъ, которымъ онъ дразнилъ Сережу,—вотъ съ кого тебѣ примѣръ надо брать! Такой маленькій, а какъ читаетъ, а ты меня переросъ, а еще Ч отъ Щ отличить не можешь!

Сережѣ было и стыдно, и пріятно отъ похвалы учителя.

«Вотъ-бы мамочка услышала, какъ бы она порадовалась!»—невольно подумалъ мальчикъ.

Рыжій сердился и краснѣлъ. Онъ едва умѣлъ читать и слылъ самымъ лѣнивымъ ученикомъ въ младшемъ классѣ.

Раздался громкій звонокъ: урокъ кончился.

Лишь-только учитель вышелъ изъ класса, какъ всѣ мальчики вскочили со своихъ мѣстъ и окружили Сережу:

— Кто ты?

— Какъ тебя зовутъ?

— Кто твой отецъ?

Сережа едва-едва успѣвалъ отвѣчать на предлагаемые вопросы и робко косился на новыхъ товарищей.

— А ты Москву видѣлъ?—неожиданно подскочилъ къ нему рыжій, и прежде, чѣмъ Сережа успѣлъ опомниться, онъ схватилъ его обѣими руками за голову и высоко поднялъ на воздухъ.

Рыжій былъ много выше и сильнѣе Сережи.

Послѣдній почувствовалъ боль, его уши горѣли и ныли въ цѣпкихъ пальцахъ Грушина, но онъ,

однако, сдѣлалъ надъ собою усиліе и не заплакалъ.

— Вотъ тебѣ Москва, вотъ тебѣ Москва!—приговаривалъ между тѣмъ рыжій мальчикъ, въ то время, какъ остальные пансіонеры громко смѣялись.

— А бороться умѣешь?—неожиданно подскочилъ другой мальчуганъ одного возраста съ Сережей, плотный, коренастый, съ забавнымъ вихромъ на лбу.

За этотъ вихоръ мальчики прозвали Мишу Викторова—Пѣтухомъ.

Своей драчливостью, громкимъ голосомъ и задоромъ, онъ, дѣйствительно, походилъ на эту птицу и какъ нельзя лучше оправдывалъ данное ему прозвище.

— Хочешь бороться?—еще разъ крикнулъ Пѣтухъ, и, не давъ опомниться Сережѣ, плотно обхватилъ его за талію, стараясь повалить на полъ.

ГЛАВА IV.

Борьба.—Неожиданный покровитель.

ЗАВЯЗАЛАСЬ борьба. Мальчики встали полукругомъ и съ живымъ интересомъ смотрѣли на борящихся. Нѣкоторые были увѣрены, что побѣдитъ Миша, другіе стояли за Сережу.

Если Пѣтухъ бралъ силою, то Сережа отличался ловкостью и изворотливостью, и побѣдить его было не такъ-то легко. Вотъ-вотъ, казалось, осилитъ Пѣтухъ и Сережа упадетъ побѣжденный, но въ ту же минуту онъ дѣлалъ быстрый прыжокъ, выскальзывалъ изъ рукъ Миши, и снова возобновлялась борьба къ необычайному удовольствію маленькихъ зрителей.

Потъ съ обоихъ мальчиковъ катился градомъ.

Оба они, красные отъ усилія и волненія, кружились и топтались на одномъ мѣстѣ. Наконецъ, Сережа началъ видимо осиливать... Еще немного, и онъ останется побѣдителемъ...

Но въ ту самую минуту, когда Миша былъ въ рукахъ Сережи, Рыжій, слѣдившій все время за борьбой, незамѣтно выступилъ впередъ и подставилъ Сережѣ ногу.

Сережа не замѣтилъ въ пылу борьбы поступка Рыжаго, споткнулся о подставленную ему ногу и упалъ, сильно ударившись головой объ полъ.

Въ одну минуту Пѣтухъ былъ на его груди и торжествующе оглядывалъ всѣхъ товарищей.

— Браво, Пѣтушокъ! браво!—кричали они и хлопали въ ладоши; громче всѣхъ кричалъ Рыжій.

— Прочь съ дороги!—внезапно прозвучалъ громкій окрикъ, и хорошенькій бѣлокурый мальчикъ лѣтъ 9 вскочилъ въ кругъ.

— Пѣтухъ!—гнѣвно кричалъ мальчикъ, и голубые глазки его горѣли, какъ звѣздочки,—ты не воображай, что побѣдилъ Горина: я отлично видѣлъ, какъ Рыжій подставилъ ему ногу!

— Принцъ вретъ! не вѣрьте, братцы!—оправдывался Грушинъ, пойманный и уличенный на мѣстѣ.

— Нѣтъ, Принцъ не вретъ никогда,—вступился блѣдный, худенькій мальчикъ и съ восторгомъ посмотрѣлъ на бѣлокураго Принца.

Этотъ послѣдній между тѣмъ помогъ подняться Сережѣ, обчистилъ на немъ запылившуюся во время борьбы курточку и, протягивая ему руку, сказалъ:

— Здравствуй! Меня зовутъ Котей Вакулинымъ, а они прозвали меня Принцемъ,—и онъ мотнулъ головой въ сторону товарищей. — Зови и ты меня Принцемъ, и будемъ друзьями!

Сережа, смущенный и сконфуженный, стоялъ противъ своего новаго покровителя и смотрѣлъ на него восхищенными глазами.

У Коти Вакулина были мягкіе, длинные и бѣлые,

какъ ленъ, кудри, голубые ясные глазки и умное личико. Онъ казался очень хорошенькимъ, и данное прозвище Принца какъ нельзя лучше шло къ нему.

Мальчики притихли при появленіи Коти и теперь, увидя, что тотъ принялъ новенькаго подъ свою защиту, стали понемногу расходиться по своимъ мѣстамъ.

Новый звонокъ возвѣстилъ начало другого урока. Антонина Васильевна Власьева или Пушка, какъ ее называли мальчики за ея полную фигуру и чрезвычайно грубый голосъ, вошла въ классъ.

Она сама давала уроки ариѳметики маленькимъ пансіонерамъ и была ужасно строга.

При ея появленіи стало такъ тихо въ классѣ, что слышно было, пожалуй, какъ летали мухи.

ГЛАВА V.

Урокъ ариѳметики.—Казаки и разбойники.

ДВАЖДЫ четыре—сколько будетъ?—неожиданно обратилась она къ Пѣтуху, сидѣвшему на первой скамейкѣ.

Пѣтухъ, еще не пришедшій въ себя отъ недавней борьбы, и красный, какъ морковь, вскочилъ со своего мѣста и бойко отвѣтилъ невпопадъ:

— Десять!

— Отлично! вотъ я тебя десять субботъ въ отпускъ и не отпущу, вотъ и будешь знать, какъ наугадъ говорить!—разсердилась Антонина Васильевна, не терпѣвшая разсѣянности въ классѣ.

Непусканіе по субботамъ домой въ отпускъ было самымъ строгимъ наказаніемъ, и маленькіе пансіонеры боялись его, какъ огня. Поэтому Пѣтухъ моментально стряхнулъ съ себя всякую разсѣянность и вспомнилъ, что дважды четыре 8, а никакъ не 10, и сказалъ это Пушкѣ.

— Ну, а трижды 8 сколько? — обратилась Пушка къ Сережѣ.

Сережа долго думалъ, прежде чѣмъ отвѣтить, и наконецъ сказалъ:

— Двадцать четыре.

— Вѣрно,—похвалила Пушка и вызвала къ доскѣ блѣднаго, худенькаго Мартика Миллера—того самаго, который смѣло заявилъ товарищамъ о томъ, что Принцъ никогда не вретъ.

Мартикъ очень крупно и красиво написалъ тѣ цифры, которыя ему продиктовала Пушка.

«Точно солдатиковъ выровнялъ»,—пришло въ голову Сережѣ.

— Онъ хорошій ученикъ? — обратился Сережа къ своему сосѣду Рыжему, забывъ о его злой выходкѣ.

Сережа былъ очень добрый мальчикъ и никогда не помнилъ долго причиненнаго ему зла. Онъ думалъ, что и всѣ мальчики на свѣтѣ должны были быть такими-же добрыми и хорошими, какъ онъ. Но не тутъ-то было. Рыжій, не взлюбившій почему-то Сережу, рѣшилъ изводить и дразнить его всевозможными способами:

— А тебѣ какое дѣло, мартышка?—дерзко спросилъ онъ.

Но въ ту-же минуту большой комокъ бѣлой бумаги, скатанный въ родѣ мячика и брошенный съ той скамьи, гдѣ сидѣлъ Принцъ, угодилъ Рыжему прямо въ лобъ.

— А... ты бросаться! — разсвирѣпѣлъ въ безсильномъ гнѣвѣ Грушинъ и ущипнулъ ни въ чемъ неповиннаго Сережу.

Принцъ сидѣлъ далеко, и потому Рыжій ограничился только тѣмъ, что показалъ ему кулакъ.

— «Злой мальчикъ», — подумалъ Сережа и отодвинулся отъ Рыжаго на самый дальній конецъ скамейки.

Урокъ ариѳметики кончился. Пушка вышла изъ класса, а ее замѣнилъ воспитатель-дядька маленькихъ пансіонеровъ Василій Ивановичъ, очень добрый на видъ маленькій человѣчекъ.

Василій Ивановичъ поставилъ мальчиковъ по-двое рядами и, выстроивъ ихъ гуськомъ, повелъ въ столовую завтракать.

Всѣ двѣнадцать мальчиковъ, составляющіе младшій классъ пансіона, сѣли за одинъ столъ, на одномъ концѣ котораго было мѣсто для Василія Ивановича. Каждому мальчику дали по бараньей котлеткѣ, стаканъ чаю и бутербродъ съ сыромъ.

Сережа не былъ особенно голоденъ. Онъ думалъ: «Въ это время мама и Адочка тоже садятся завтракать. Мама на концѣ стола, а Адочка съ правой стороны на высокомъ дѣтскомъ стулѣ. А мѣсто Сережи не занято... Арапка навѣрное удивляется почему Сережино мѣсто не занято и недоумѣваетъ, должно-быть, гдѣ Сережа».

И Сережа такъ замечтался, что не замѣтилъ, какъ его котлетка исчезла съ тарелки и пропала въ карманѣ сидѣвшаго противъ него Грушина.

Но Принцъ все видѣлъ и, не стѣсняясь присутствіемъ воспитателя за столомъ, рѣзко сказалъ:

— Рыжій, сейчасъ-же положи котлету на тарелку

Горина. А ты, Горинъ,—прибавилъ онъ мягко,—не зѣвай по сторонамъ, а то у тебя другіе все съѣдятъ.

Сконфуженный Грушинъ исполнилъ требованіе мальчика и возвратилъ котлету Сережѣ, но такъ сердито посмотрѣлъ на него при этомъ, что бѣдненькій Сережа почувствовалъ, какъ сильна была къ нему ненависть злого мальчика.

Завтракъ кончился. Мальчиковъ повели наверхъ въ большую свѣтлую комнату, гдѣ стояла высокая, до самаго потолка гимнастика съ трапеціями, кольцами, лѣстницами и даже комнатными качелями.

— Дѣти, играйте и веселитесь, — сказалъ, уходя, Василій Ивановичъ, — только не шумите и не ссорьтесь.

— Братцы! кто хочетъ играть въ казаки-разбойники?—весело крикнулъ Принцъ.

— Я, я, я, я! — закричали со всѣхъ сторонъ маленькіе пансіонеры, которые очень любили эту игру.

Всѣ мальчики раздѣлились на двѣ группы: одни были казаками, другіе разбойниками. Разбойники выбрали себѣ атамана. Казаки мирно стали устраивать свою станицу (станицей всегда была гимнастика), какъ вдругъ на нихъ напали разбойники. Казаки обратились въ бѣгство, а разбойники ихъ преслѣдовали и уводили въ плѣнъ.

Сережа еще не зналъ этой игры, и она ему очень понравилась. Онъ, Мартикъ Миллеръ, Пѣтухъ, потомъ черненькій Жучокъ или Ваня Изюминъ, удивительно шустрый и веселый мальчикъ, и высокій Морозовъ или «Морозко», какъ его называли въ классѣ, были

казаками. Принцъ, Грушинъ и остальные шесть мальчиковъ были разбойники.

Сережа во всю прыть мчался по залу.

Его догонялъ Принцъ. Вотъ-вотъ, казалось, мальчикъ протянетъ руку и поймаетъ его. Но Сережа прибавилъ ходу и Принцъ остался далеко позади.

Принцъ тяжело дышалъ, щеки разгорѣлись, стали красными, и волосы спутались на лбу. Сережѣ стало жаль Принца, которому онъ былъ обязанъ за его заступничество передъ Рыжимъ.

«Надо ему поддаться», — рѣшилъ Сережа и незамѣтно сталъ бѣжать тише.

Въ ту-же минуту Принцъ нагналъ его и ударилъ три раза по плечу.

— Поймалъ!—весело крикнулъ онъ.

— Какъ-же не поймать, когда онъ тебѣ поддался!— насмѣшливо сказалъ подоспѣвшій Рыжій.

— Развѣ ты поддался?—обратился Принцъ къ Сережѣ, все еще держа его за плечо.

Сережа никогда не лгалъ, даже по пустякамъ, и потому сказалъ немного смущенно:

— Да, поддался.

— И глупо сдѣлалъ!—разсердился Принцъ и, весь вспыхнувъ, прибавилъ: — господа, это не игра, я съ Горинымъ не хочу играть.

— Не игра, не игра!—подхватили всѣ мальчики и отхлынули отъ Сережи.

Сережѣ было грустно и нехорошо на душѣ.

Онъ не хотѣлъ обидѣть Принца, который ему

ужасно нравился своей рѣзвостью и веселостью, а главное подкупилъ его своимъ заступничествомъ.

Потерять дружбу Принца было большимъ горемъ для Сережи. Грустный и печальный подошелъ онъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. А мальчики попрежнему шумѣли, кричали и бѣгали по залу.

ГЛАВА VI.

Кошка и мышка.

ОТЪ завтрака до обѣда было три урока: гимнастика, Законъ Божій и французскій языкъ. Гимнастикѣ училъ мальчиковъ пансіонеръ старшаго класса по фамиліи Валерикъ, такой высокій юноша, что Сережа долженъ былъ задрать голову, чтобы взглянуть на него, когда Валерикъ спросилъ его о чемъ-то.

Гимнастика была самымъ любимымъ урокомъ мальчиковъ, потому что, если они хорошо и чинно себя вели, Валерикъ позволялъ имъ поиграть въ кошку и мышку или жмурки въ концѣ урока.

Сегодня Валерикъ былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и въ серединѣ урока весело закричалъ:

— А ну-ка, братцы, въ кошки-мышки!

Мальчики завизжали отъ радости и бросились устраивать кругъ.

— Принцъ! ты будешь мышка, а новенькій кошка!— сказалъ Валерикъ и поставилъ Принца въ кругъ взявшихся за руки мальчиковъ.

Сережа очутился за кругомъ.

«Непремѣнно надо поймать Принца, непремѣнно,—думалъ онъ,—пусть мальчики увидятъ, что я ловкій и проворный, не хуже ихъ!.. А вдругъ Принцъ опять разсердится!—и сердечко Сережи тревожно сжалось.—Будь что будетъ!»—рѣшилъ онъ, и помчался за Принцемъ во всю прыть своихъ маленькихъ ножекъ.

Принцъ былъ проворный и быстрый мальчикъ, и поймать его было не легко. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Сережа схватилъ Принца за плечо. Но тотъ быстро вырвался и снова былъ уже далеко.

Мальчики дружно хохотали и восторгались ловкостью Принца. Они впускали его безъ всякихъ затрудненій въ кругъ, согласно правиламъ игры, а между тѣмъ Сережа, какъ ни старался проникнуть туда, цѣпь быстро замыкалась, и онъ оставался за кругомъ.

— Кошка, прочь, кошка, прочь!—кричали мальчики. Сережа началъ уже уставать понемногу... А поймать Принца ему ужасно хотѣлось, и потому онъ не терялъ надежды проникнуть въ кругъ.

— Принцъ, Принцъ,—вскрикнулъ черненькій Изюминъ или Жучокъ, какъ его называли товарищи,—берегись!

— Берегись, Принцъ!

Но было уже поздно. Сережа прыгнулъ черезъ руки двухъ зазѣвавшихся мальчиковъ въ кругъ и поймалъ Принца.

— Молодецъ!—похвалилъ его Валерикъ.

Но Сережѣ эта похвала не доставила никакого удовольствія. Онъ со страхомъ взглянулъ на Принца,

ожидая увидѣть гнѣвное, сердитое личико, полное укора. Но ничуть не бывало. Принцъ такъ ласково и добро смотрѣлъ на Сережу, что на душѣ послѣдняго точно птички запѣли, такъ вдругъ стало въ ней хорошо и радостно.

— Вотъ ты какой проворный!—съ улыбкой сказалъ Принцъ.—Я бѣгаю очень скоро, почти скорѣе ихъ всѣхъ,—оглянулся онъ на остальныхъ мальчиковъ,—а ты меня все-таки догналъ... хорошо!

Сережа совсѣмъ обрадовался похвалѣ Принца.

По окончаніи урока, они долго ходили обнявшись по классу и Сережа разсказывалъ своему новому товарищу о мамѣ, объ Адочкѣ и о черной Арапкѣ.

— А ты очень разсердился на меня за то, что я тебѣ поддался, когда мы играли въ казаки-разбойники?—спросилъ онъ, между прочимъ, Принца.

— Очень!—отвѣтилъ тотъ серьезно.—Еслибъ мальчики замѣтили, что мнѣ поддаются, они-бы засмѣяли меня. Я считаюсь самымъ ловкимъ въ классѣ. Ты посмотри какіе у меня мускулы!

И хорошенькій Принцъ высоко поднялъ рукавъ своей курточки и, прижавъ кисть руки къ плечу, напрягъ мышцы.

Сережа мускуловъ, однако, не замѣтилъ, но покачалъ сочувственно головою, не желая обидѣть своего новаго друга.

ГЛАВА VII.

Уроки.—Мудрецъ и огородники.

СЛѢДУЮЩІЕ два урока прошли незамѣтно. Закону Божьему мальчиковъ училъ о. дьяконъ изъ сосѣдней церкви. Онъ говорилъ сильно упирая на «о» и былъ очень добръ.

Сережѣ понравилось его милое, улыбающееся лицо. О. дьяконъ разсказывалъ мальчикамъ о всемірномъ потопѣ и Сережа внимательно слушалъ каждое его слово.

Послѣ урока Закона Божія былъ французскій урокъ. Снова Антонина Васильевна появилась за столикомъ. Она учила мальчиковъ французскому языку и еще строже относилась къ этому предмету, нежели къ ариѳметикѣ.

Пушка любила Принца, потому что онъ отлично говорилъ по-французски.

— А ты, Горинъ, знаешь что-нибудь?—обратилась она къ Сережѣ.

Но Сережа только и зналъ два слова: «мерси» да «иси». Послѣднее онъ потому только и зналъ, что часто

мама кричала Арапкѣ: «Иси, Арапка». Онъ поэтому чистосердечно заявилъ Пушкѣ, что онъ только и знаетъ два слова: мерси и иси. Пушка разсмѣялась. Разсмѣялись и всѣ мальчики. А Сережа не могъ понять, почему они смѣются.

— Ты не безпокойся, пожалуйста, я тебя выучу по-французски,—успокоилъ его Принцъ послѣ урока, когда они чинно подъ предводительствомъ Василія Ивановича пошли въ столовую обѣдать.

Сережа былъ очень признателенъ Принцу. Ему казалось, что онъ давно знаетъ и любитъ этого голубоглазаго и бѣлокураго мальчика.

Обѣдъ прошелъ очень весело.

Во время обѣда мальчики задавали загадки другъ другу и угадывали большею частью невпопадъ къ общему удовольствію и смѣху.

— Я всегда всѣ загадки могу угадать,—неожиданно заявилъ громко на весь столъ Рыжій.

— Ну, ты всегда хвастаешься, Грушинъ,—засмѣялся блѣдный, худенькій Мартикъ Миллеръ.

— Да, да, Рыжій извѣстный хвастунишка,—подхватилъ Пѣтухъ и незамѣтно для Рыжаго сдѣлалъ ему надъ головой рожки.

— Ну, ну, не спорьте, дѣти!—вмѣшался Василій Ивановичъ, занятый разрѣзываніемъ жаркого на своей тарелкѣ.

— Не спорьте,—подтвердилъ и Принцъ и веселые глазки мальчика насмѣшливо взглянули на Грушина.—Ну-ка, отгадай, Грушинъ, мою загадку, если ты ужь такой отгадчикъ.

— Говори!—важно произнесъ Грушинъ.

— Антипка низокъ—на немъ сто ризокъ! что это такое?

— Жолудь!—не сморгнувъ выпалилъ Рыжій.

— Самъ ты жолудь!—звонко разсмѣялся Принцъ.—Гдѣ-же у жолудя ризки? Да и на деревѣ онъ растетъ, а не низко на землѣ. А это капуста, глупый, понимаешь-ли, простая капуста, а ты вдругъ—жолудь! ха-ха-ха!

— Ка-пус-та! — протянулъ Рыжій и препотѣшно открылъ свой и безъ того большой ротъ.—А вѣдь я думалъ жолудь.

— Ну, ладно, первая ошибка не въ счетъ, — добродушно вмѣшался Жучокъ, добрый, покладистый мальчикъ, не любившій насмѣшекъ и споровъ,—задай ему лучше вторую загадку, Принцъ.

— Идетъ,—согласился развеселившійся мальчикъ.—А ну-ка, мудрецъ, что такое: Безъ оконъ, безъ дверей—полна горница людей?

Грушинъ на этотъ разъ не сразу отвѣтилъ: онъ почесалъ свою рыжую голову и, густо краснѣя, медленно пробасилъ:

— Комната.

И мальчики, и Василій Ивановичъ, и подававшая дѣтямъ обѣдъ горничная Паша, всѣ такъ и покатились со смѣху.

Даже старшіе пансіонеры, сидѣвшіе за другими столами, пришли спросить, почему такъ весело у «малышей» и не именинникъ-ли кто-нибудь въ младшемъ классѣ?

Но больше всѣхъ смѣялся Принцъ. Во время смѣха у него дѣлались ямочки на щекахъ, онъ становился красный, какъ макъ, и такъ трясъ головою, что длинные кудрявые волосы били его по лицу, закрывая глаза и носъ своими пушистыми прядями.

— Ха, ха, ха! вотъ такъ мудрецъ, — заливался онъ,—ай да Грушинъ, ха, ха, ха!

Грушинъ окончательно разсердился.

— Глупая загадка! никто ея не знаетъ! — вспыхнувъ, отвѣтилъ онъ.

— Я знаю,—противъ воли вырвалось у Сережи.

Сережа не хотѣлъ вовсе досадить Грушину, а просто внезапно вспомнилъ, что мама задавала ему какъ-то эту загадку и объяснила ея значеніе.

— Ну? — сердито повелъ глазами въ сторону Сережи Грушинъ.

— Это огурецъ.

— Да гдѣ же тутъ люди?

— А зернышки огуречныя!—вмѣшался блѣдненькій Мартикъ.

— Ну, ужь вы... то про капусту... то про огурцы... а умнаго ничего не придумаете. Ахъ, вы, огородники,— недовольно ворчалъ сконфуженный Грушинъ и еще злѣе посмотрѣлъ на Сережу.

— Огородники пользу приносятъ, трудятся и работаютъ,—замѣтилъ Жучокъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ большіе съ маленькими дѣтьми.

— Ну, вы и будьте огородниками! — также сердито продолжалъ рыжій,—а я не желаю имъ быть... Не велика честь... Я не огородникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты не огородникъ, Грушинъ, ты мудрецъ! — подхватилъ Принцъ и снова громко разсмѣялся.

— Мудрецъ! мудрецъ! — засмѣялись мальчики. — Рыжій-Мудрецъ!

Грушинъ злился, но ничего не могъ подѣлать.

Между тѣмъ обѣдъ кончился, и всѣ мальчики снова разошлись по классамъ.

ГЛАВА VIII.

Вечеръ въ пансіонѣ.

ПОСЛѢ обѣда мальчики до 8-ми часовъ вечера должны были готовить уроки къ слѣдующему дню.

— Хочешь заниматься со мною? Я покажу тебѣ, что задано,—предложилъ Принцъ Сережѣ.

Сережа охотно согласился. Принцъ ему нравился съ каждымъ часомъ все больше и больше. Къ тому-же онъ отлично учился и могъ во многомъ помочь Сережѣ. Поэтому, не теряя долго времени, мальчики усѣлись въ самый дальній уголъ класса — въ тотъ именно, гдѣ стоялъ большой шкапъ съ книгами и глобусомъ, и принялись за приготовленіе уроковъ. Исторію Ноя и всемірнаго потопа Сережа не разъ слышалъ отъ мамы и потому выучить ее къ слѣдующему дню для него не составило никакого труда.

— Ну! вотъ и одолѣли одинъ урокъ,—весело воскликнулъ Принцъ и шумно захлопнулъ книжку учебника. — Теперь давай учить французскій языкъ. Ты увидишь, какъ это легко.

Но съ французскимъ языкомъ оказалось куда труднѣе для Сережи. Онъ едва запомнилъ слова, заданныя на завтрашній день Пушкой, при чемъ многія изъ нихъ перепутались въ его головѣ. Принцъ, однако, до тѣхъ поръ не оставилъ Сережу въ покоѣ, пока тотъ не отвѣтилъ ему всего урока наизусть.

Въ 8 часовъ мальчикамъ дали по большой кружкѣ чая съ молокомъ и по сладкой булкѣ и отвели ихъ въ спальню.

Въ спальнѣ стояло 12 кроватей съ ночнымъ столикомъ у каждой, куда пансіонеры могли прятать платье на ночь. У одной стѣны было нѣсколько умывальниковъ, у другой шкапъ съ запаснымъ гардеробомъ мальчиковъ. Посрединѣ спальни висѣла большая лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Въ правомъ углу стояла кіота съ массою образовъ. У кіоты теплилась лампада, которая и освѣщала ночью спальню своимъ слабымъ свѣтомъ. На лѣвой стѣнѣ висѣлъ портретъ Пушки въ черномъ платьѣ съ розою въ волосахъ.

Большая спальня съ двѣнадцатью кроватями показалась Сережѣ пустой и неуютной. Онъ съ грустью вспомнилъ свою маленькую комнатку съ крошечной постелькою, застланной голубымъ шелковымъ одѣяломъ, сшитымъ милыми руками самой мамы.

Постель Сережи оказывалась крайней. Но съ одной стороны у него былъ сосѣдомъ Мартикъ Миллеръ,— кроткій, болѣзненный мальчикъ, общій любимецъ всего класса.

— Ну, раздѣвайся, не зѣвай!—окликнулъ Принцъ замечтавшагося было Сережу.

Онъ уже успѣлъ сбросить свою щегольскую курточку, расчесалъ свои бѣлокурые волосы и пришелъ помочь Сережѣ.

Сережа тоже сталъ стягивать съ себя платье и вдругъ вспомнилъ, что у него въ лѣвомъ карманѣ лежитъ подарокъ Адочки—однорукая Стеша.

«Еще, пожалуй, кто-нибудь увидитъ, и засмѣютъ тогда меня мальчики, задразнятъ»,—подумалъ Сережа и, осторожно вытащивъ куклу изъ кармана, положилъ ее въ постель и прикрылъ одѣяломъ.

— Что это у тебя? — спросилъ Принцъ и, сунувъ руку подъ одѣяло, вытащилъ оттуда Стешу.

— Оставь, оставь, спрячь скорѣе, а то увидятъ,— испуганно залепеталъ Сережа и старался вырвать Стешу изъ рукъ Принца.

Ему все казалось, что его новый товарищъ сейчасъ разсмѣется ему въ лицо, не понявъ въ чемъ дѣло. И чтобы не заслужить насмѣшки Принца, онъ торопливо сталъ передавать ему, какъ Адочка подарила ему свою любимицу-куклу и какая она добрая маленькая дѣвочка, и какъ они вмѣстѣ съ нею дружно играли и росли.

Принцъ выслушалъ Сережу и ни разу не улыбнулся. Напротивъ, на его милое личико набѣжала какая-то тѣнь, и оно вдругъ стало печальнымъ.

— Счастливый ты, Сережа!—сказалъ онъ грустно,— у тебя есть и мама, и сестрица, и няня, и Арапка. У меня никого нѣтъ кромѣ пріемнаго отца, котораго я никогда почти не вижу, и гувернера Рено, который заставляетъ меня постоянно говорить по-французски и ставитъ на колѣни въ уголъ, если я провинюсь.

Сережѣ стало искренно жаль бѣднаго Принца. Несмотря на бархатные костюмчики и нарядное бѣлье съ кружевами, онъ былъ бѣднѣе всѣхъ мальчиковъ ихъ класса. У каждаго изъ нихъ былъ или любящій папа, или добрая, ласковая мама, или братья и сестрицы. У Принца-же никого не было.

Сережа крѣпко обнялъ своего новаго друга и сказалъ:

— Знаешь, Принцъ, я тебя очень полюбилъ. Ты такой хорошій. Хочешь будемъ братьями? Пойдемъ со мною въ субботу къ моей мамѣ и Адочкѣ. Тебѣ у насъ будетъ гораздо пріятнѣе и веселѣе, чѣмъ съ твоимъ строгимъ гувернеромъ.

Принцъ ничего не отвѣтилъ и бросился на шею добраго Сережи. Черезъ минуту онъ снова уже громко смѣялся, прыгая съ постели на постель съ ловкостью котенка.

Маленькій Принцъ не могъ долго предаваться печальнымъ мыслямъ. Онъ былъ очень веселый по природѣ мальчикъ.

— Ну, дѣти, спать! — строго приказалъ внезапно появившійся въ дверяхъ Василій Ивановичъ, и всѣ двѣнадцать мальчиковъ мигомъ размѣстились по своимъ кроваткамъ.

Сережа съ непривычки долго ворочался на жесткой постели, поворачивался съ боку на бокъ, перекладывалъ и крестилъ подушки и, наконецъ, прижавъ Стешу къ груди и думая объ Адочкѣ, крѣпко уснулъ.

ГЛАВА IX.

Стеша, какъ героиня.

КОГДА Сережа проснулся, его поразили шумъ и хохотъ нѣсколькихъ дѣтскихъ голосовъ.

«Ужь не во снѣ-ли все это?»—подумалъ онъ спросонья и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, открылъ глаза.

Нѣтъ, это не во снѣ. Около его постели стоялъ Рыжій и высоко держалъ надъ головую однорукую Стешу. Принцъ, красный и взволнованный, прыгалъ вокругъ Грушина, стараясь вырвать у него изъ рукъ куклу.

Мальчики раздѣлились на два лагеря: одни держали сторону Рыжаго, другіе Принца.

— Мальчикъ не долженъ играть въ куклы. Горинъ срамитъ нашъ пансіонъ. Лучше-бы онъ поступилъ въ институтъ, гдѣ воспитываются дѣвочки! — кричали одни.

Другіе старались перекричать ихъ:

— Какое вамъ дѣло! Пусть играетъ, если хочетъ. Разъ Принцъ заступился за него,—значитъ онъ правъ.

— Вашъ Принцъ—самъ дѣвчонка. Смотрите, какіе у него длинные волосы, хоть косу плети! — хохоталъ Грушинъ и вдругъ высоко подбросилъ Стешу.

Стеша упала на полъ и фарфоровая ея головка разбилась вдребезги.

Это было уже слишкомъ. Какъ ни сдерживался Сережа, какъ ни крѣпился, а при видѣ разбитой Адочкиной любимицы онъ разрыдался навзрыдъ. Въ одной рубашонкѣ соскочилъ онъ съ постели и, подскочивъ къ Грушину, залепеталъ, дрожа и захлебываясь:

— Злой мальчикъ! эту куклу мнѣ дала маленькая сестрица и не для игры дала... а на память... понимаешь, на память... чтобы взять изъ дома какую-нибудь вещь, которая бы живо напоминала о ней... Адочка дала... а ты разбилъ... Злой... злой... нехорошій...

При видѣ неподдѣльнаго горя Сережи, мальчики, заступавшіеся было за Грушина, притихли. Тѣ-же, которые были на сторонѣ Принца, бросились поднимать осколки Стешиной головы, а самъ Принцъ обнялъ Сережу и старался его утѣшить.

— Не плачь, милый, мы ее склеимъ, а нѣтъ — попросимъ Василія Ивановича купить другую голову. Я много видѣлъ точно такихъ-же въ Гостиномъ дворѣ. У меня есть рубль въ кошелькѣ, возьми, пожалуйста, и купи новую головку куклѣ. Адочка не узнаетъ.

Рыжій стоялъ пристыженный, сконфуженный, не зная куда дѣвать глаза. Многіе изъ его прежнихъ товарищей перешли на сторону Сережи и Принца.

— И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ было бить игрушку, принадлежащую другому?—разсуждали одни.

— Тѣмъ болѣе, что куклу Горину дала его маленькая сестренка,—вторили другіе.

И всѣ мальчики ужасно негодовали на Грушина.

Принцъ подобралъ осколки Стешиной головки, но—увы!—склеить ее не было никакой возможности: она разбилась вдребезги. Сережа былъ безутѣшенъ.

— Адочка будетъ очень печалиться,—твердилъ онъ на всѣ уговоры Принца и спряталъ безголовую однорукую Стешу снова въ карманъ своей курточки.

Новой головки онъ не хотѣлъ.

«Адочка навѣрное узнаетъ!—думалъ онъ,—вѣдь у ея Стеши были такіе трепанные, всклокоченные волосы, какихъ нѣтъ у другихъ куколъ, да и отъ частаго мытья и Адочкиныхъ поцѣлуевъ красныя щеки Стеши слиняли и вся она имѣла очень блѣдный видъ».

— Не надо, Принцъ, — отклонилъ Сережа протянутую руку мальчика, на ладони которой блестѣлъ круглый серебряный рубль,—спасибо тебѣ! ты добрый! Но новой головки я не буду покупать, не надо.

ГЛАВА X.

Кочерыжки.

На пансіонской кухнѣ рубили капусту, заготавливая ее на зиму. Объ этомъ таинственно заявила горничная Паша Мартику Миллеру. Мартикъ Миллеръ былъ не только любимцемъ всѣхъ пансіонеровъ и начальства, но и прислуги. Объявивъ Мартику столь интересную новость, краснощекая Паша порылась въ карманѣ, гдѣ у нея, съ неизмѣннымъ наперсткомъ, огрызкомъ сахара и катушкой черныхъ нитокъ, лежала кочерыжка. Паша вытащила кочерыжку и сунула ее Мартику, какъ только воспитатель отвернулся на минуту отъ стола малышей. Мартикъ поблагодарилъ Пашу, но отъ кочерыжки отказался, передавъ ее товарищу. Мартикъ былъ настоящій маленькій нѣмецъ и не терпѣлъ капусты. За то товарищи Мартика, все младшее отдѣленіе пансіона Пушки, набросились на кочерыжку: ее раздѣлили на двѣнадцать частей и каждый мальчикъ могъ насладиться ею. Кусочки, однако, оказались очень маленькими.

— Не стоило и пробовать! — рѣшительно заявилъ

Принцъ и, немного подумавъ, прибавилъ: — Я пойду самъ на кухню и достану цѣлыхъ двѣнадцать кочерыжекъ.

— Онъ, братцы, хвастается,—засмѣялся Рыжій.

— Хвастаюсь? — обидчиво воскликнулъ Принцъ и весь вспыхнулъ отъ негодованія.—Ну, вотъ увидишь, какъ я хвастаюсь! А за то, что ты такъ сказалъ, я не принесу кочерыжки на твою долю. Слышите, братцы, я не принесу ему кочерыжки!

— Хорошо! хорошо! отлично! Пусть онъ будетъ наказанъ,—раздалось со всѣхъ концовъ стола.

— Сережа,—обратился Принцъ въ сторону своего новаго друга,—не хочешь-ли и ты пойти со мною?

Сережа не желалъ идти: онъ боялся Пушки и наказанія, но отказать милому маленькому Принцу ему не хотѣлось, и потому онъ твердо и весело сказалъ:

— Хорошо, пойдемъ.

— Вотъ и отлично! — обрадовался тотъ, — ты не бойся, мы ни за что не попадемся, только слушай меня и исполняй все, что я тебѣ прикажу. Какъ-только Василій Ивановичъ отойдетъ разговаривать съ воспитателемъ старшихъ, ты спустись подъ столъ и сиди тамъ какъ только можешь тихо. Ну, братцы, не выдавать,—звонкимъ шопотомъ проговорилъ Принцъ, и прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ сказать слово, юркнулъ подъ столъ.

Сережа выждалъ время, когда Василій Ивановичъ отошелъ отъ стола, и послѣдовалъ примѣру Принца.

Подъ столомъ было пыльно и сорно. Скатерть доходила почти до пола и потому сидящихъ тамъ никто

не могъ замѣтить. Къ тому-же они притихли, какъ мышки. Сережа видѣлъ вокругъ себя больше двухъ десятковъ ногъ, разныхъ размѣровъ, обутыхъ въ разныя ботинки. Вотъ туфельки Мартика Миллера съ блестящими пряжками, вонъ лакированные щегольскіе сапожки Жучка, а вонъ большіе желтые сапоги Грушина. Вотъ эти сапоги вытягиваются по направленію его, Сережи, точно хотятъ достать его.

— Э-э! стой, братецъ, — прошепталъ со смѣхомъ Принцъ, замѣтившій маневры сапогъ Грушина,—онъ тебя хочетъ достать, Сережа, погоди-же.

И прежде чѣмъ Сережа могъ остановить своего друга, Принцъ подползъ къ сапогамъ Рыжаго и сильно ущипнулъ послѣдняго за ногу.

Рыжій благимъ матомъ заоралъ на всю столовую. Сережа даже прилегъ подъ столомъ еле живой отъ страха. А Принцъ чуть не давился отъ смѣха. Мальчикамъ слышно было, какъ подскочилъ къ столу Василій Ивановичъ и съ безпокойствомъ спрашивалъ Рыжаго, что съ нимъ случилось? Рыжій не смѣлъ при всемъ классѣ выдавать Принца и Сережу, къ тому-же онъ считалъ себя отчасти виноватымъ и потому, весь красный и перепуганный, онъ отвѣчалъ заикаясь:

— Это ничего... виноватъ... Василій Ивановичъ... меня... меня укусила блоха!..

— Чего-жъ ты орешь, точно не блоха, а змѣя тебя ужалила,—вышелъ изъ себя воспитатель, не любившій Рыжаго за грубость и лѣнь.—Ты будешь наказанъ!

Между тѣмъ мальчики встали изъ-за стола, выстроились въ пары и направились чинно въ классъ. Принцъ и Сережа остались сидѣть подъ столомъ.

«Лишь-бы не замѣтили нашего отсутствія», — думалъ Сережа, не высказывая, однако, своихъ опасеній вслухъ. Онъ боялся показаться Принцу жалкимъ маленькимъ трусишкой, боялся потерять любовь такого смѣлаго, хорошаго и веселаго мальчика, какимъ былъ Принцъ.

— Ну, теперь пора,—воскликнулъ послѣдній, когда уже не слышно было голосовъ удалившихся мальчиковъ,—вылѣзай, Сережа!

И оба они осторожно, на четверенькахъ, какъ двѣ маленькія собачки, выползли изъ-подъ стола.

— А теперь живо налѣво-кругомъ, рысью маршъ,— продолжалъ командовать Принцъ и, крѣпко взявшись за руки, мальчики бѣгомъ, стараясь не шумѣть и потому едва ступая на пальцы, бросились въ кухню, находившуюся рядомъ со столовой.

ГЛАВА XI.

Попались!

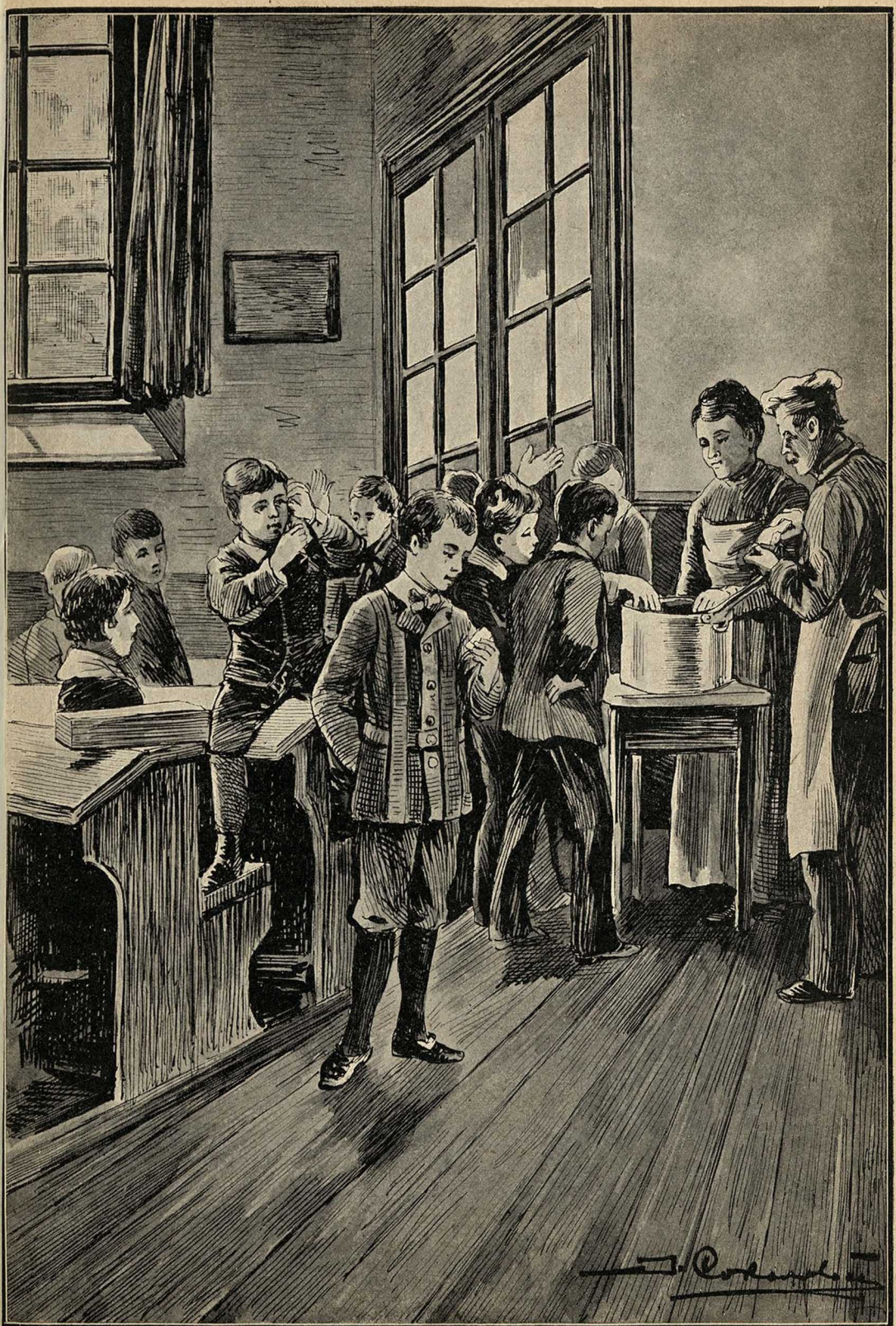
Господинъ поваръ, не откажите дать намъ кочерыжекъ!—насколько могъ любезно проговорилъ Принцъ и улыбнулся.

А когда Принцъ улыбался, то отказать ему въ просьбѣ уже не было никакой возможности. Такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, Сережа, и такъ, по всей вѣроятности, подумалъ и поваръ, потому что оставилъ рубить капусту, доверху наполнявшую большую кадку, и ласково посмотрѣлъ на хорошенькаго голубоглазаго и бѣлокураго, какъ маленькій ангелъ, мальчика.

Къ тому же Принцъ назвалъ повара господиномъ. А кому не извѣстно, что повара ужасно любятъ, когда ихъ такъ величаютъ.

— Какъ васъ зовутъ, маленькій барчонокъ?—спросилъ поваръ.

— Меня зовутъ Принцъ, — смѣло отвѣтилъ мальчикъ и, заглянувъ въ глубокую кадку съ капустой, черезъ нѣсколько секундъ прибавилъ, указывая на своего спутника:—а его зовутъ Сережа.



— Ну-съ, господинъ Принцъ и господинъ Сережа,— ласково произнесъ поваръ,—я дамъ вамъ кочерыжекъ, только, сохрани Богъ, какъ бы Антонина Васильевна не узнали. А то всѣмъ намъ плохо придется!

И, подойдя къ кухонному столу, поваръ отобралъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лежащихъ на немъ кочерыжекъ 5 штукъ самыхъ большихъ, бѣлыхъ, и протянулъ ихъ мальчикамъ.

— Только пять!—разочаровано протянулъ Принцъ. —А намъ нужно одиннадцать! Ахъ, господинъ поваръ, будьте такъ добры, дайте намъ одиннадцать кочерыжекъ!

Поваръ взглянулъ на красивое и молящее личико Принца и громко расхохотался. Даже бѣлый колпакъ его трясся отъ смѣха и передникъ плясалъ и вздрагивалъ на его большомъ, полномъ животѣ.

— Одиннадцать кочерыжекъ,—еле могъ выговорить онъ между взрывами смѣха,—да куда-же вамъ столько? Солить или мариновать ихъ на зиму будете?

Поваръ оказывался очень веселымъ человѣкомъ: онъ смѣялся все время, пока Принцъ старался пояснить ему, что одиннадцать кочерыжекъ съѣдятъ одиннадцать мальчиковъ, что ихъ собственно двѣнадцать пансіонеровъ въ младшемъ классѣ, но что Рыжій не получитъ своей доли, такъ какъ позволилъ себѣ насмѣхаться надъ нимъ, Принцемъ, и считать его трусомъ.

Поваръ выслушалъ мальчика и далъ по его просьбѣ всѣ одиннадцать кочерыжекъ.

— Ну, съ Богомъ! смотрите, барынѣ не попадитесь,—напутствовалъ онъ ликующихъ шалуновъ.

Всесоюзная Библиотека имени В. И. Ленина

— Благодарю васъ, большое спасибо, господинъ поваръ! — торжествуя говорилъ Принцъ и вдругъ замолкъ на полусловѣ.

Изъ-за смежной со столовою двери кухни послышался рѣзкій и крикливый голосъ Пушки:

— Почему неплотно закрываютъ кухню? По всему пансіону пахнетъ капустой!

Въ ту-же минуту дверь шумно распахнулась и влетѣвшая въ кухню, какъ пуля, горничная Паша прошептала отчаяннымъ шопотомъ:

— Спасайтесь! начальница идетъ!

Мальчики замерли на мѣстѣ. «Господинъ» поваръ растерялся не меньше. Одна только краснощекая Паша не потеряла присутствія духа и, быстро схвативъ Принца за плечи, подняла его надъ бочкой и тотчасъ опустила туда, прямо въ самую кашу нарубленной капусты. Въ слѣдующую секунду она то же самое продѣлала и съ Сережей. Мальчики очутились на днѣ бочки, по поясъ ушедшіе въ капусту, которая своимъ запахомъ ужасно била по носу.

— Господи! только-бы не чихнуть! — взмолился Сережа и обѣими руками зажалъ свой носъ.

Пушка вошла въ кухню. Поваръ настолько оправился, что могъ привѣтствовать свою барыню и начальницу съ добрымъ утромъ.

Но Пушка, раздраженная съ утра запахомъ капусты, наполнявшимъ пансіонъ, не обратила вниманія на привѣтствіе повара и сердито спросила:

— Зачѣмъ на полу валяются кочерыжки? Надо

всѣ ихъ выбросить въ помойную яму. Не вздумайте только угощать ими пансіонеровъ!

— Боже храни! — искренно вырвалось изъ устъ Паши.

Она какъ-будто забыла вовсе о данной ею за чаемъ Мартику Миллеру кочерыжкѣ.

Сережа и Принцъ, несмотря на страхъ, не могли не переглянуться въ своемъ убѣжищѣ.

— Скоро-ли она уплыветъ?—шепнулъ Принцъ.

— Ахъ, скорѣе-бы! — также шопотомъ проговорилъ Сережа,—мнѣ ужасно хочется чихнуть!

— Ай, Боже тебя сохрани! — искренно взволновался Принцъ, — потерпи какъ-нибудь, пожалуйста, потерпи какъ-нибудь, голуб...

Но было поздно... Того, что случилось, никакъ не ожидали ни Принцъ, ни Сережа.

Несмотря на искреннее желаніе терпѣть, Сережа, однако, не выдержалъ и... чихнулъ,—да такъ громко, что не только можно было его услыхать въ кухнѣ, но и въ классахъ пожалуй, и въ спальнѣ, и гимнастической залѣ.

Мальчики помертвѣли и съ ужасомъ ждали роковой минуты.

Ждать, однако, пришлось недолго.

Прямо надъ ними наклонилось красное и взбѣшенное лицо Пушки.

— Такъ вотъ оно что!—зашипѣла она,—вотъ вы какъ! И ты, Сидоръ, ихъ покрываешь,—бросила она въ сторону оторопѣвшаго повара, не удостоивъ его, однако, взглядомъ. — Очень хорошо, прекрасно, от-

лично! Вы оба будете примѣрно наказаны! Вылѣзайте изъ бочки.

Вылѣзайте! хорошо ей было приказывать, а каково выполнить!

И Сережа, и Принцъ поняли оба, какъ трудно имъ будетъ вылѣзть изъ ихъ убѣжища.

Бочка была гораздо выше ихъ роста.

Если-бы они позвали на помощь повара или Пашу, то начальница узнала-бы о сообщничествѣ прислуги. А этого добрые шалуны не хотѣли.

— Я тебя подсажу,—сказалъ Принцъ,—а ты ухватись за край бочки и вылѣзай, а потомъ и я попробую вылѣзть.

Онъ подсадилъ Сережу, и тотъ уже взобрался на верхъ бочки, но въ это время отъ тяжести обоихъ мальчиковъ, налегшихъ на одинъ край ея, бочка опрокинулась вмѣстѣ съ шалунами и капустой. Мальчики поднялись съ пола смѣшные и жалкіе, при чемъ ихъ волосы, платье, ботинки—все было облѣплено сырой и скользкой капустой, а карманы топорщились отъ наложенныхъ въ нихъ доверху кочерыжекъ.

Въ такомъ видѣ предстали они передъ грозными очами Антонины Васильевны.

— Очень хороши! куда какъ хороши! полюбуйтесь-ка на нихъ!—обратилась начальница къ оробѣвшей прислугѣ.

Но никто не любовался.

Даже смѣшливому повару было не до смѣха. Онъ ужасно боялся потерять свое мѣсто въ пансіонѣ.

Между тѣмъ Пушка взяла за одну руку Принца, за другую Сережу и повела ихъ въ классъ.

ГЛАВА XII.

За чернымъ столомъ.

Когда начальница и два маленькіе преступника появились на порогѣ, весь классъ дружно ахнулъ и разсмѣялся. Дѣйствительно, оба мальчика не могли не возбудить смѣха. Съ ихъ головъ и платья капала мутная водица, листики капусты прилипли къ лицу и волосамъ, а карманы, наполненные кочерыжками, смѣшно топорщились. Громче и продолжительнѣе всѣхъ хохоталъ Грушинъ. Остальные-же мальчики скоро вспомнили, почему попались Принцъ и Сережа, и, считая себя виноватыми въ ихъ поступкѣ, перестали смѣяться.

Начальница между тѣмъ не успѣла замѣтить оттопыренныхъ кармановъ у обоихъ мальчиковъ, и кочерыжки все-таки остались у нихъ.

— Стойте у печки, носами въ уголъ!—строго проговорила Пушка,—а за обѣдомъ и завтракомъ вы будете стоять въ такомъ видѣ въ столовой, чтобы разъ навсегда знали, какъ себя хорошо вести!

И, поставивъ Сережу съ одной стороны къ печкѣ,

а Принца съ другой, Пушка величественно выплыла изъ класса.

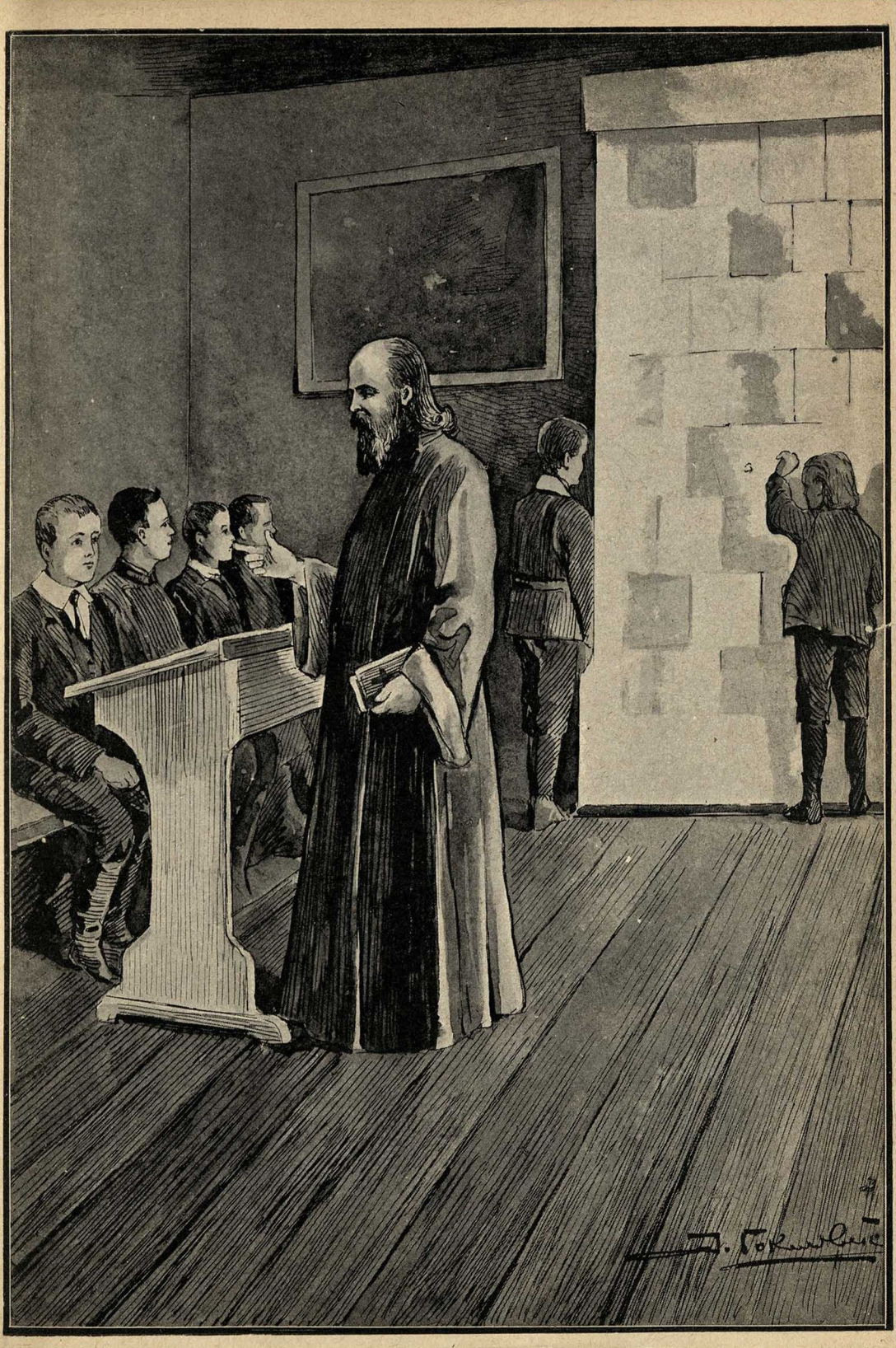
Сережѣ было очень неловко. Хорошо еще, что начальница повернула его лицомъ въ уголъ, и не видно было его сконфуженныхъ глазъ и пылающихъ щекъ. Принцъ-же чувствовалъ себя прекрасно. Онъ началъ съ того, что вытащилъ изъ кармана всѣ свои сокровища и сталъ перебрасывать по одной кочерыжкѣ на колѣни ближе всѣхъ сидѣвшему около него и печки Жучку. Жучокъ принималъ кочерыжки и разсылалъ ихъ по классу. Когда Принцъ освободилъ свой карманъ, онъ тихонько обратился къ Сережѣ:

— Давай скорѣй свои кочерыжки!

Сережа исполнилъ его требованіе, и снова Жучокъ разослалъ новый запасъ страннаго лакомства по всѣмъ скамейкамъ. Отецъ-дьяконъ ничего не замѣтилъ. Онъ старательно разсказывалъ мальчикамъ о томъ, что было послѣ всемірнаго потопа. Такимъ образомъ Принцъ исполнилъ свою задачу: всѣ одиннадцать мальчиковъ получили одиннадцать кочерыжекъ. Одинъ Рыжій не получилъ ничего.

Сережа и Принцъ геройски отбыли свои наказанія. Они стояли всѣ уроки въ углу, а во время обѣда и завтрака — за чернымъ столомъ, находившимся въ сторонѣ отъ прочихъ, не покрытымъ скатертью, за которымъ обѣдали только провинившіеся и наказанные ученики.

— Не бѣда! — успокаивалъ Принцъ пріунывшаго было Сережу, — все-таки лучше это наказаніе, чѣмъ если-бы она не пустила насъ въ субботу домой. А я



къ вамъ собирался. Ужь очень мнѣ съ твоей мамой и Адочкой познакомиться хочется. Да кстати и Арапку посмотрѣть. А Пушкѣ я не прощу. Вотъ увидишь, что я сдѣлаю завтра!

— Нѣтъ, Принцъ, не дѣлай ничего, — взмолился робкій Сережа.—А то опять она тебя накажетъ.

— Не накажетъ! не узнаетъ! вотъ увидишь, какъ это будетъ забавно!

И Принцъ, придумавшій какую-то, должно-быть, очень веселую штучку, залился звонкимъ смѣхомъ, совершенно позабывъ о томъ, что онъ наказанъ и что находится за чернымъ столомъ, за который ставятъ только сильно провинившихся мальчиковъ. За то Сережѣ была очень непріятна вся эта исторія съ кочерыжками.

«Еслибъ мама знала,—она навѣрное-бы очень огорчилась»,—съ тоскою подумалъ мальчикъ и тутъ-же далъ себѣ слово стараться удерживать рѣзваго и бойкаго Принца отъ его шаловливыхъ выходокъ.

ГЛАВА XIII.

Месть Принца.

ПРИНЦЪ сдержалъ свое обѣщаніе. Сережа не успѣлъ предостеречь его.

На слѣдующее утро мальчики были раньше времени разбужены громкимъ смѣхомъ Жучка, спавшаго какъ-разъ противъ портрета Пушки. Всѣ одиннадцать мальчиковъ разомъ проснулись отъ смѣха Жучка.

— Ха-ха-ха! — заливался этотъ послѣдній и, будучи не въ силахъ произнести хоть одно слово отъ душившаго его хохота, махалъ руками по направленію портрета начальницы.

Недоумѣвая, взглянули пансіонеры по направленію руки Жучка и какъ одинъ человѣкъ разразились дружнымъ и громкимъ взрывомъ смѣха.

И было чему смѣяться. За одну ночь на лицѣ изображенной на портретѣ Пушки выросли усы, борода и баки и совершенно измѣнили лицо почтенной начальницы пансіона. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на это превращеніе и мальчики хохотали до упада.

— Кто это сдѣлалъ? Чьихъ рукъ работа? Ай да молодецъ! Вотъ такъ украсилъ! — кричали они между взрывами смѣха.

Но виновникъ не отыскивался. Правда, у постели Принца былъ найденъ кусочекъ угля, но это еще ничего не доказывало. Мало-ли какъ могъ попасть сюда уголь! И потомъ, развѣ могъ такой маленькій мальчикъ, какъ Принцъ, такъ мастерски разукрасить баками, усами и бородою лицо начальницы?

— Нѣтъ, вѣроятно это сдѣлалъ кто-нибудь изъ пансіонеровъ-старшеклассниковъ, пока мы спали,— рѣшили мальчики.

Одинъ Сережа догадывался объ имени молоденькаго художника.

— Это сдѣлалъ Принцъ, непремѣнно Принцъ!— рѣшилъ онъ и ужасно взволновался.

Въ самомъ дѣлѣ, что будетъ съ его маленькимъ другомъ, если Пушка узнаетъ о его новой шалости! Вѣдь она его не проститъ, ни за что не проститъ! И въ отпускъ не отпуститъ въ субботу, и опять поставитъ носомъ въ уголъ и за черный столъ во время обѣда и завтрака. А на субботу Сережа возлагалъ такія надежды! Какъ ему хотѣлось свести Принца въ ихъ квартирку на Мытнинской набережной, изъ оконъ которой открывается такой славный видъ на Неву, и познакомить съ Адочкой, съ мамой и похвастать всякими «штучками» Арапки, на которыя тотъ такой великій мастеръ и охотникъ!

— Послушай, Принцынька, вѣдь это ты сдѣлалъ?— насколько могъ ласковѣе спросилъ Сережа Принца въ

то время, какъ они были въ сторонѣ отъ остальныхъ мальчиковъ.

— Что? — притворился непонимающимъ маленькій шалунишка.

— Да разрисовалъ Пушку?

— Я!—нимало не смущаясь, отвѣтилъ Принцъ и смѣло тряхнулъ всѣми своими бѣлокурыми кудерьками.

— Но тебѣ попадетъ,—испуганно залепеталъ Сережа.

— Конечно попадетъ, если выдадутъ! Только никто выдать не посмѣетъ,—такъ спокойно и увѣренно сказалъ мальчикъ, что его спокойствіе передалось и Сережѣ и онъ смѣялся не меньше самого Принца, когда тотъ шопотомъ передавалъ ему, какъ подъ утро влѣзъ на ночной столикъ спящаго подъ портретомъ Мики Эрлера, соннаго, какъ сурокъ, мальчика, и «преобразилъ» Пушку.

Старшіе пансіонеры прослышали о новой проказѣ младшихъ и пришли посмотрѣть на превращеніе Пушки, которую никто не любилъ за постоянную раздражительность и несправедливость.

Даже поваръ Сидоръ и краснощекая Паша прибѣжали взглянуть на работу Принца. И всѣ—и старшіе, и младшіе, и поваръ, и Паша, и сторожъ Вавилычъ — все отъ мала до велика хохотали до-упаду.

Принцъ торжествовалъ. Даже Сережа совсѣмъ успокоился, увѣренный въ томъ, что никто не узнаетъ о поступкѣ его маленькаго друга.

ГЛАВА XIV.

Въ карцерѣ.

Но хохотъ и веселье, однако, разомъ прекратились, когда на порогѣ появилась взбѣшенная Пушка.

— Что за шумъ? что за крики?—негодовала она.— Вы ведете себя, какъ уличные мальчишки. Стыдъ и срамъ! Если это будетъ такъ продолжаться... я...

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное.

Пушка взглянула на свое изображеніе и словно подавилась.

Изъ красной она стала багровой... Съ вытаращенными глазами и съ вытянутыми впередъ руками стояла она передъ портретомъ и только зловѣще потряхивала головой.

«Вотъ оно, начинается!»—подумалъ съ тоскою Сережа и съ состраданіемъ и нѣжностью взглянулъ на Принца.

И Принцъ поблѣднѣлъ и видно испугался не на шутку.

Начальница долго молчала. Наконецъ, она повер-

нулась въ сторону мальчиковъ и рѣзко-отчетливо проговорила:

— Я подниму на ноги весь пансіонъ, пока не узнаю виновнаго. Слышите-ли вы, негодные мальчишки! И до тѣхъ поръ, пока не отыщется виновный, я не позволю никому изъ мальчиковъ бѣгать и играть ни во дворѣ, ни въ гимнастическомъ залѣ.

О, это было очень строгое наказаніе! И всѣ двѣнадцать мальчиковъ вздохнули въ одинъ разъ. Принцъ сталъ еще блѣднѣе и опустилъ свои правдивые голубые глазки. Ему стало стыдно и больно, что изъ-за его глупой шалости долженъ былъ отвѣчать весь классъ. Поэтому, нимало не колеблясь, онъ вышелъ впередъ и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Простите меня, Антонина Васильевна, это сдѣлалъ я!

— Что ты сдѣлалъ?—какъ-то особенно рѣзко взвизгнула начальница.

— Я нарисовалъ на вашемъ лицѣ усы, бороду и баки! Простите!

— Простить? — протянула съ особеннымъ стараніемъ Пушка,—нѣтъ, голубчикъ, за это не прощаютъ, — и сердито повернувъ Принца отъ себя, подтолкнула его впередъ со словами:—Ступай въ карцеръ, да скажи Вавилычу, что я тебя велѣла запереть до завтрашняго утра.

Принцъ, низко опустивъ свою кудрявую головку, пошелъ исполнять строгое приказаніе начальницы. А Пушка, все еще дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, приказала Грушину, какъ самому высокому изъ всего

класса, влѣзть на ночной столикъ Мики Эрлера и снять портретъ со стѣны.

Грушинъ исполнилъ въ точности желаніе начальницы.

Вблизи лицо Пушки, разрисованное шалуномъ Принцемъ, казалось еще смѣшнѣе, и мальчики поминутно отворачивались и тихонько фыркали, закрываясь ладонями.

— Принеси мнѣ губку и полотенце, — приказала Антонина Васильевна тому-же Грушину.

Когда тотъ подалъ ей требуемое, она собственноручно стала смывать уголь со своего портрета. Но это мало удавалось. Отъ мокрой губки образовалась черная вода и она тоненькими струйками стекала и пачкала все лицо и платье на портретѣ.

Видя, что ей не поправить дѣла, Пушка окончательно вышла изъ себя.

— Не на однѣ сутки, а на трое надо было-бы посадить въ карцеръ злого, негоднаго мальчишку!—проговорила она.

Сердечко Сережи сжалось.

Онъ въ первый разъ почувствовалъ, какъ привязался онъ къ своему новому другу. — «Лучше-бы ужь обоихъ наказали за вчерашнія кочерыжки», — думалъ онъ.

— Тамъ темно? — робко спросилъ онъ у Жучка, когда Пушка, выбранивъ еще разъ малышей, скрылась за дверью спальни.

— Гдѣ темно?—удивился Жучокъ

— Да въ карцерѣ.

— Темно, сыро и крысы бѣгаютъ, и летучія мыши летаютъ, и твоему Принцу голову отъѣдятъ!—зло разсмѣялся подоспѣвшій Рыжій.

Сережа понялъ глупую шутку.

— Оставь меня и Принца въ покоѣ,—сердито сказалъ онъ Рыжему,—ты злой мальчикъ и я не хочу съ тобой разговаривать.

— Ахъ, заплачу!—насмѣшливо расхохотался тотъ.

— Братцы, не ссорьтесь съ утра! Какъ вамъ не стыдно!—покачалъ головкой всѣхъ всегда старавшійся примирить Мартикъ.

Мальчики выстроились парами и пошли въ столовую пить чай.

ГЛАВА XV.

Принцъ — дѣвочка.

КАРЦЕРЪ, гдѣ сидѣлъ бѣдненькій Принцъ, находился недалеко отъ прихожей. Ключи отъ карцера хранились у сторожа Вавилыча. Сережа послѣ обѣда долго ходилъ вокругъ карцера, прислушиваясь, что дѣлалось тамъ. Единственное крошечное окошечко находилось очень высоко отъ пола и Сережа, даже поднявшись на цыпочки, не могъ заглянуть черезъ него въ карцеръ.

Однако, онъ прекрасно слышалъ, какъ ходилъ по карцеру Принцъ.

«Еслибъ онъ зналъ, что я тутъ около него, онъ навѣрное-бы нашелъ способъ влѣзть на подоконникъ и показаться въ окнѣ»,—подумалъ Сережа.

Подойдя къ дверной скважинкѣ, онъ прошепталъ:

— Принцъ! я здѣсь.

Съ секунду длилось молчаніе; потомъ Сережа ясно услышалъ, приложившись къ замочной скважинкѣ:

— Здравствуй, Сережа. Это ты?

— Это я, Принцъ! Здравствуй.

— Что у васъ дѣлается въ классѣ безъ меня? — продолжалъ говорить изъ своего заключенія Принцъ, приложившись губами къ замочной скважинкѣ.

— Все по-старому. Мальчики шалятъ и дерутся. Рыжій толкнулъ меня два раза и ущипнулъ четыре.

— Ахъ, онъ скверный! — разсердился Принцъ, — вотъ погоди, выйду завтра, такъ задамъ же я ему на орѣхи. А тебѣ скучно безъ меня? — послѣ короткаго молчанія раздалось изъ карцера.

— Очень скучно, Принцъ,—печальнымъ голосомъ проговорилъ Сережа и вдругъ такъ и замеръ на мѣстѣ.

Передъ нимъ стояла Пушка.

— Скучно, скажите на милость!—насмѣшливо протянула она.—Такъ, чтобы веселѣе было, не угодно-ли вамъ будетъ туда-же, къ товарищу на побывку. Вавилычъ!—крикнула она сторожа.

Вавилычъ очутился передъ своей госпожей въ одну секунду, точно изъ-подъ земли выросъ.

— Дай ключи!

Ключи были въ карманѣ Вавилыча. Пока онъ полѣзъ за ними, вытаскивалъ ихъ изъ кармана и отпиралъ дверь, Сережа замиралъ отъ страха, что вотъ-вотъ Антонина Васильевна передумаетъ его наказывать и онъ не увидитъ дорогого маленькаго Принца.

Но Пушка и не подумала измѣнять своего рѣшенія. Пока Вавилычъ возился съ ключами (у него ихъ была цѣлая связка), отыскивая ключъ отъ карцера, Пушка отчитывала Сережу.

— И какъ тебѣ не стыдно,—говорила она,—третій день въ пансіонѣ, а такъ шалишь, что уже въ

карцеръ попалъ. Нечего тебѣ дружить съ Вакулинымъ: онъ самый шаловливый мальчикъ изъ всего пансіона и дружба съ нимъ не приведетъ къ добру.

Но Сережа не соглашался со словами Пушки. Котя Вакулинъ или Принцъ, былъ, по его мнѣнію, самый смѣлый, самый веселый, самый добрый мальчикъ, какого только онъ видѣлъ на свѣтѣ, и любилъ его Сережа, какъ родного брата.

— Нѣтъ,—хотѣлъ онъ крикнуть въ отвѣтъ на слова Пушки,—не говорите такъ про Принца! онъ милый, чудесный, хорошій!

Но, однако, ничего не сказалъ, боясь окончательно разсердить начальницу.

Вавилычъ въ это время подобралъ ключъ изъ связки, воткнулъ его въ замочную скважинку, распахнулъ дверь и... отступилъ въ изумленіи.

Отступили и Пушка, и самъ Сережа, не понимая, что здѣсь творилось... А дивиться и недоумѣвать было чему.

Принца не оказалось въ карцерѣ. Вмѣсто шаловливаго маленькаго пансіонера стояла прехорошенькая голубоглазая дѣвочка съ двумя бѣлокурыми косичками за плечами, въ длинной юбкѣ, кофточкѣ для гулянья и котиковой шапочкѣ со спущенной съ нея вуалеткой. Въ рукахъ дѣвочка держала муфточку и низко присѣдала Пушкѣ.

Пушка недоумѣвая моргала глазами и пятилась отъ двери.

Вавилычъ былъ удивленъ и напуганъ не меньше самой начальницы.

— Да что-же это, прости Господи, за навожденіе!— шепталъ онъ и даже незамѣтно перекрестился.

Но внезапно дѣвочка заговорила, и Пушка, и Сережа, и Вавилычъ поняли въ чемъ дѣло.

— Антонина Васильевна,—начала дѣвочка хорошо знакомымъ Сережѣ голоскомъ.—Простите, пожалуйста, виноватъ, но въ карцерѣ было такъ холодно, его давно не топили, а ваше платье, жакетъ и шляпа висѣли въ шкапу. Шкапъ не былъ запертъ и я взялъ это все оттуда и надѣлъ на себя!

Это былъ Принцъ, его голосъ, его манера говорить, но Сережа ни за что-бы не могъ узнать своего друга въ хорошенькой бѣлокурой дѣвочкѣ.

Пушка хотѣла наброситься съ выговоромъ, разбранить Принца, но вмѣсто этого только отвернулась, чтобы скрыть невольную улыбку. Ужь очень былъ забавенъ и милъ маленькій шалунъ въ своей новой роли. Къ тому-же Пушка была только очень вспыльчивой, а сердце у нея было доброе-предоброе, и она не могла долго сердиться на своихъ шалуновъ-питомцевъ.

— На этотъ разъ прощаю васъ обоихъ, — проговорила она,—но надѣюсь, Вакулинъ, ты не повторишь больше своей злой утренней шалости. Мнѣ жаль портрета, потому что его мнѣ сдѣлала сюрпризомъ и подарила моя дорогая мать, которой уже нѣсколько лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ!

И, говоря это, Пушка прослезилась.

Эти слезы начальницы сильно подѣйствовали на Принца.

— Простите Бога ради, Антонина Васильевна, — прошепталъ онъ печальнымъ голоскомъ,—я не зналъ этого. Моя шутка очень глупа, но я не злой мальчикъ. Простите меня, пожалуйста! Или нѣтъ, лучше накажите меня, мнѣ будетъ легче.

— Нѣтъ, мальчикъ, я не буду наказывать тебя,— ласково отвѣтила Антонина Васильевна.—Ты самъ понялъ, какъ не хорошъ твой поступокъ въ отношеніи меня, и навѣрное онъ никогда не повторится.

— Никогда!—горячо вырвалось у Принца, и онъ, совершенно забывшись, бросился на шею начальницѣ.

Улегшись вечеромъ въ постель, Принцъ и Сережа долго бесѣдовали о сегодняшнихъ событіяхъ.

— Нѣтъ, что ни говори, она очень добрая, — искренно произнесъ Принцъ.

— Очень!—подхватилъ Сережа.

— И мнѣ ужасно стыдно, — продолжалъ его маленькій товарищъ,—что я нарисовалъ ей усы и баки на портретѣ! Ну, да сдѣланнаго не вернешь, только впредь, будь свидѣтель, я никогда не стану изводить Пушку. Спокойной ночи, Сережа!

— Спокойной ночи, Принцъ!

И оба мальчугана скоро крѣпко заснули.

ГЛАВА XVI.

Маленькіе защитники.

БРАТЦЫ, кто за мною? Я иду освобождать маленькую собачку, которую мучаютъ злые мальчишки на томъ углу улицы!—И съ этими словами Принцъ соскочилъ съ толстаго сука березы, на которомъ усѣлся во время прогулки пансіонеровъ по саду. Береза росла около самаго забора и, если подняться на суку во весь ростъ, то можно было видѣть, что дѣлалось по ту сторону каменной, въ вышину взрослаго человѣка, стѣны.

— Я за тобою! — ни на минуту не задумавшись, вскричалъ Сережа.

— И я!—вскричалъ Жучокъ.

— И я! И я!—вторили мальчики.

Желающихъ набралось очень много. Одинъ только Рыжій, ненавидѣвшій Принца, да кроткій и боязливый Мартикъ не рѣшились послѣдовать за нимъ. Осталь ные же десять мальчиковъ окружили Принца и всей толпой бросились къ калиткѣ сада, сдѣланной въ стѣнѣ.

— Берегись, Принцъ, берегитесь, братцы,—уговаривалъ мальчиковъ Мартикъ,—Василій Ивановичъ сейчасъ вернется, и всѣмъ вамъ попадетъ.

— Достанется на орѣхи! — злорадно подтвердилъ Рыжій.

— Василій Ивановичъ еще не скоро вернется, онъ будетъ читать газету очень долго! Я видѣлъ, какъ ее подалъ ему Вавилычъ!—успокаивалъ въ нерѣшительности остановившихся было передъ калиткою мальчиковъ Жучокъ

— Конечно!—подхватилъ Принцъ,—онъ не скоро вернется. А, впрочемъ, я не принуждаю никого идти за мною. Трусы могутъ остаться. Мнѣ ихъ не надо. Кто боится,—можетъ не идти.

Но желающихъ остаться, кромѣ выше упомянутыхъ Рыжаго и Миллера, не оказалось. Всѣмъ мальчикамъ хотѣлось идти на выручку собачки, а главное — чѣмъ-либо проявить свою храбрость въ глазахъ товарищей. И потому всѣ они на-перегонки бѣгомъ бросились къ калиткѣ.

Принцъ сказалъ правду. На противоположномъ пансіону углу улицы собралась большая толпа уличныхъ мальчишекъ. Одинъ изъ нихъ держалъ на веревкѣ маленькую дрожащую собачонку. Другой изъ большой садовой лейки, наполненной до краевъ водою, поливалъ бѣдную собачку. Послѣдняя жалобно визжала, стараясь вырваться изъ рукъ своихъ мучителей. Но всѣ ея усилія были тщетны. Бѣдняжкѣ оставалось только жалобно визжать и трястись отъ холода, причиненнаго ей студеною водою.

Пансіонеры, гурьбой высыпавшіе изъ калитки, смѣло направились къ маленькимъ бездѣльникамъ. Принцъ, какъ главный зачинщикъ, выступилъ впередъ.

— Зачѣмъ вы мучаете бѣдное животное? — строго крикнулъ онъ.

— А тебѣ какое дѣло, — дерзко отвѣтилъ мальчишка, поливавшій собачонку изъ лейки,—собака не твоя, значитъ, и не суйся туда, куда тебя не спрашиваютъ.

— Молчать! — громко прикрикнулъ взбѣшенный Принцъ, и потомъ, оглянувъ всю толпу стоявшихъ за нимъ товарищей, добавилъ спокойнѣе: — Сейчасъ-же изволь отдать мнѣ собаку, или я вырву ее у тебя силой.

— О-го-го-го!—дерзко разсмѣялся маленькій оборванецъ.—Ишь ты, какой прыткій: поспѣшишь,—глядишь—людей насмѣшишь.—И неожиданно онъ высоко поднялъ лейку надъ головою и цѣлая струя холодной и грязной воды залила лицо и пальто Принца.

— Ха-ха-ха! — дружно захохотали уличные мальчишки.—Вотъ такъ защитникъ.

Но долго имъ смѣяться не пришлось.

Принцъ и вся толпа пансіонеровъ бросилась на нихъ и завязалась драка.

Уличныхъ мальчишекъ было гораздо меньше и потому маленькіе школьники живо одолѣли ихъ. Послѣдніе обратились въ бѣгство, оставивъ собачку въ рукахъ побѣдителей. Сережа, пока дрались его товарищи, бросился къ дрожащему отъ холода и страха животному, отвязалъ съ его шеи веревку и, сбросивъ

съ себя пальто, въ одинъ мигъ укуталъ въ него иззябшую собачку.

Она перестала жалобно визжать и притихла въ рукахъ своего новаго покровителя. Не дожидаясь окончанія схватки, Сережа опрометью бросился назадъ въ садъ, тѣсно прижимая къ груди собачку и стараясь отогрѣть ее своимъ дыханіемъ.

ГЛАВА XVII.

Худышка.

Это была совсѣмъ маленькая, черненькая дворняжка, съ круглыми изюминками-глазками и смѣшнымъ, точно обрубленнымъ хвостикомъ. Когда усталые борьбой и погоней мальчики вернулись въ садъ, они обступили своего новаго пріемыша и стали рѣшать трудный вопросъ: какъ его назвать.

— Я думаю, ему подойдетъ имя Шарикъ, — рѣшилъ Жучокъ.

— Что ты! что ты! — замахали на него руками мальчики.—Вѣдь Шарикъ круглый, а онъ, видишь, какой худышка, точно пять дней не ѣлъ.

— Худышка, это правда!—печально покачалъ головкой Мартикъ и вдругъ собачонка, услышавъ его милый, нѣжный голосокъ, повернула къ нему голову и завиляла хвостомъ.

— Ахъ ты, бѣдная, — и Мартикъ приласкалъ песика,—ты точно и вправду Худышкой называешься, что оглядываешься на зовъ.

— А знаете, братцы,—внезапно вмѣшался въ разговоръ Принцъ,—мы и назовемъ его Худышкой. Хорошо?

— Хорошо! отлично, пусть онъ и будетъ Худышка!—подхватило сразу нѣсколько голосовъ.

— А только покормить ее не мѣшало-бы!—сказалъ Сережа.

— Погодите, братцы, у меня есть сухарь въ карманѣ,—проговорилъ Мика Эрлеръ.

— Ну, вотъ еще, будетъ онъ ѣсть сухари! Ему овсянку надо сварить,—посовѣтовалъ Жучокъ.

Но Худышка, оказалось, преблагополучно съѣла предложенный Микой сухарь.

— Ахъ ты, бѣдненькая, бѣдненькая Худышка,—сболѣзновали мальчики и поочередно гладили ея мягкую черную шерстку.

Рѣшено было просить Василія Ивановича всѣмъ классомъ позволенія оставить у себя собачку.

— Пусть она живетъ въ комнатѣ у Вавилыча, а мы будемъ давать ему за это по рублю въ мѣсяцъ,—предложилъ кто-то изъ мальчиковъ, и всѣ нашли эту мысль какъ нельзя болѣе удачной.

Василій Ивановичъ выслушалъ малышей и, переговоривъ съ начальницей, позволилъ пріютить собачку. Вавилычъ изъявилъ тоже полное согласіе и за рубль въ мѣсяцъ обѣщалъ ухаживать за нею.

— А кормить ее мы будемъ сами. Если купить въ складчину нѣсколько фунтовъ овсянки, то ей на мѣсяцъ хватитъ,—порѣшили малыши.

И судьба Худышки была рѣшена. Она осталась

въ пансіонѣ г-жи Власьевой на попеченіи младшаго класса.

Въ день ея принятія въ пансіонъ, Жучокъ слазилъ на чердакъ въ сопровожденіи горничной Паши и притащилъ оттуда цѣлый ворохъ соломы для постели Худышки. Мика Эрлеръ, какъ единственный, умѣющій держать иголку въ рукахъ, сшилъ холщевую перинку и набилъ ее соломой. Мартикъ Миллеръ, собиравшій потихоньку цѣлую коллекцію разныхъ ленточекъ, выбралъ изъ нихъ самую лучшую и повязалъ ее на шею Худышкѣ. Черноглазый Жучокъ принесъ Вавилычу свою «собственную» большую фарфоровую чашку, на которой золотыми буквами была выведена надпись: «въ день Ангела», и строго наказалъ Вавилычу кормить изъ нея Худышку. Вообще всѣ малыши, составляющіе младшій класъ пансіона г-жи Власьевой, съ большой нѣжностью и заботой относились къ ихъ маленькому пріемышу.

Одинъ только мальчикъ не взлюбилъ Худышки. Это былъ Рыжій. Всѣмъ сердцемъ ненавидя Принца и Сережу, злой Грушинъ перенесъ часть своего недобраго къ нимъ чувства и на ни въ чемъ неповинную Худышку.

— Противная собачонка!—кричалъ онъ съ бѣшенствомъ, лишь только она приходила тереться у его ногъ, и грубо ее отталкивалъ отъ себя.

— Не ходи къ нему, Худышка, онъ злюка, не люби его,—говорили мальчики.

— Куси его, куси, Худышка,—подуськивалъ Принцъ, не любившій въ свою очередь рыжаго Грушина.

И Худышка скалила зубы и рычала, лишь только Рыжій подходилъ къ ней близко.

— Ну, подожди-же ты у меня, дрянная собачонка! — сердился этотъ послѣдній. — Попадись ты мнѣ только!

— Ничего ты съ ней не посмѣешь сдѣлать,—волновался Сережа, особенно полюбившій Худышку за то, что она ему нѣсколько напоминала Арапку,—она наша и мы не дадимъ ее тебѣ въ обиду.

— А вотъ увидите!—злобно поддразнивалъ Рыжій и металъ исподлобья на покровителей Худышки сердитые взгляды.

ГЛАВА XVIII.

Печальное происшествіе.

ПАЛОЧКА пришла, никого не нашла, кого перваго найдетъ, тотъ за палочкой пойдетъ! — громко, скороговоркой говорилъ Принцъ въ то время, какъ другіе мальчики разбѣжались и попрятались по всему саду.

Принцъ искалъ не одинъ. Ему помогала Худышка. Палочка-воровочка была не только любимою игрою мальчиковъ, но и собачонки. За мѣсяцъ пребыванія ея въ пансіонѣ Худышка сдѣлала удивительные успѣхи въ своемъ воспитаніи. Не говоря уже о томъ, что она отлично служила и танцовала на заднихъ лапкахъ и прыгала черезъ руки не хуже любой дрессированной собачки изъ цирка, она не хуже мальчиковъ умѣла играть въ палочку-воровочку и прятки. И сейчасъ, когда Принцъ громко спросилъ: «Пора»? и ему откуда-то изъ глубины сада отвѣтили умышленно-заглушенно голоса: «Готово, пора»!—Худышка взвизгнула отъ удовольствія, подпрыгнула и помчалась впереди Принца, усердно обнюхивая землю и ища слѣ-

довъ спрятавшихся мальчиковъ. Садъ вокругъ пансіона былъ громадный и найти спрятавшихся было не такъ-то легко. Посреди сада, прямо передъ крыльцомъ, была разбита большая площадка съ качелями, гимнастикой и громаднымъ мраморнымъ бассейномъ, въ которомъ лѣтомъ мальчики купались, а зимой катались на конькахъ. Теперь ранней осенью бассейнъ казался темнымъ, а вода въ немъ была холодная, какъ ледъ. По всему саду были разбросаны кусты бузины и волчьей ягоды, и росли высокія березы и ели. Несмотря на такое множество убѣжищъ, за которыми хоронились мальчики, Худышка ихъ всѣхъ мигомъ отыскала.

Она обнюхивала каждый кустикъ, каждое деревцо, съ которыхъ слетѣла уже добрая половина листвы, и затѣмъ, если тамъ оказывался спрятавшійся мальчикъ, она съ громкимъ лаемъ и визгомъ бросалась на него, въ минуту облизавъ его лицо и руки своимъ острымъ язычкомъ. Такимъ образомъ въ какія-нибудь 10 минутъ почти всѣ мальчики были найдены, благодаря стараніямъ Худышки.

И никому не удалось украсть палочки-воровочки. Лишь-только кто-либо изъ играющихъ бросался къ берегу бассейна, у котораго на скамейкѣ лежала палочка, Худышка кидалась вслѣдъ за бѣгущимъ, совалась ему подъ ноги и точно всѣми силами старалась помѣшать украсть палочку.

— Кажется, всѣхъ отыскали? — весело крикнулъ Принцъ.

— Нѣтъ, не всѣхъ! Смотри, бѣжитъ Грушинъ, онъ

сейчасъ украдетъ палочку! — тревожно прокричалъ Сережа.

И дѣйствительно, съ противоположнаго конца сада, сломя голову несся Рыжій по направленію бассейна и скамьи съ лежащей на ней палочкой. Увидя его, Принцъ бросился ему наперерѣзъ. Бросилась и Худышка, громко лая и визжа по своему обыкновенію. За ними слѣдомъ помчался и Сережа.

— Скорѣй, скорѣй, Принцъ!—кричали одни.

— Не зѣвай, Грушинъ!—вторили другіе.

Рыжій и безъ того не зѣвалъ. Въ нѣсколько прыжковъ достигъ онъ желанной скамейки, какъ вдругъ догнавшая его Худышка внезапно вцѣпилась въ сапогъ Рыжаго и прокусила насквозь.

Рыжій заоралъ во все горло. Изъ сапога вытекла легкая струйка крови. Худышка, оказалось, укусила не одинъ сапогъ Рыжаго, но и ногу.

— Скверная собачонка! — не помня себя отъ бѣшенства вскричалъ онъ, — вотъ я тебѣ покажу какъ кусаться.—И гнѣвно, изо всей силы ударилъ собачку здоровой ногою.

Худышка присѣла на землю и жалобно завизжала.

Въ ту-же минуту, подоспѣвшій Сережа схватилъ ее на руки и, сверкая глазами, крикнулъ Рыжему.

— Не смѣй ее обижать, скверный мальчишка! Или я...

— Что ты?—поддразнивалъ его Грушинъ, разсерженный и укусомъ Худышки, и непрошеннымъ заступничествомъ Сережи.

— Или я пожалуюсь Василію Ивановичу, слы

шишь! — весь дрожа, въ сердцахъ продолжалъ послѣдній.

— А я до тѣхъ поръ вышвырну за заборъ вашу собачонку!—и Рыжій насвистывая, какъ ни въ чемъ не бывало, повернулъ спину Сережѣ.

— Не смѣешь! слышишь, не смѣешь!—весь взволнованный твердилъ Сережа и съ силой повернулъ Рыжаго къ себѣ, заставляя его дослушать свои слова.

Но Рыжій отмахнулся отъ Сережи, и такъ какъ тотъ все еще говорилъ ему, сильно оттолкнулъ его отъ себя.

Мальчики стояли на самомъ краю бассейна. Рыжій не разсчиталъ своего движенія. Толчокъ вышелъ слишкомъ сильный и Сережа съ Худышкою въ рукахъ полетѣлъ въ холодную темную воду.

Дружное отчаянное «ахъ» вырвалось изъ груди одиннадцати мальчиковъ и они замерли въ ужасѣ и страхѣ.

ГЛАВА XIX.

Послѣдствія.

Ледяная вода на минуту отрезвила Сережу. «Я утону... утону вмѣстѣ съ Худышкой, — вихремъ пронеслось въ его мысляхъ. — Какъ будутъ плакать мама и Адочка, когда узнаютъ, что утонулъ ихъ Сережа! Нѣтъ, не хочу, не надо, я долженъ жить и буду жить. Господи, спаси меня».

И онъ потерялъ сознаніе.

Потомъ точно какой-то сонъ захватилъ Сережу. Сколько времени длился этотъ сонъ, онъ и самъ не зналъ, но чувствовалъ во снѣ, какъ его трясли во всѣ стороны чьи-то сильныя руки. А въ ушахъ стоялъ такой шумъ, что онъ ничего не слышалъ . . . .

. . . . . .

Сережа очень удивился, когда, открывъ глаза, увидѣлъ около себя маму.

Онъ потянулся къ ней съ поцѣлуемъ, но все его маленькое тѣльце такъ ослабло, что онъ долженъ былъ снова откинуться на подушку.

— Мамочка! дорогая! какъ я радъ!—тихо прошепталъ онъ и протянулъ ручку.

Мама схватила эту маленькую ручку обѣими своими и крѣпко прижала къ своимъ губамъ.

— Мамочка, дорогая! — еще разъ сказалъ Сережа и снова забылся.

Когда онъ опять открылъ глаза, мама была не одна: около нея склонилась кудрявая головка Принца. Самъ Сережа лежалъ въ кроваткѣ и въ совершенно ему незнакомой комнатѣ.

Сережа сталъ напряженно вспоминать, какъ онъ попалъ сюда въ комнату и почему лежитъ въ постели, а мама и Принцъ смотрятъ на него такъ ласково и грустно.

«Я, должно-быть, боленъ», — неожиданно рѣшилъ Сережа и вдругъ вспомнилъ все, что съ нимъ произошло: и берегъ бассейна, и ссору изъ-за Худышки, и холодную мутную воду, и чьи-то отчаянные крики.

«Ну, да, я боленъ, потому что я не утонулъ, — сообразилъ, наконецъ, Сережа,—а еслибъ я не былъ боленъ, то, значитъ, я-бы лежалъ мертвый на днѣ бассейна».

— Мамочка, — твердо, какъ здоровый, произнесъ Сережа,—я ужасно радъ, что не утонулъ. А гдѣ Худышка?

— Худышку тоже спасли,—поторопился успокоить его Принцъ, — впрочемъ, ее никто не спасалъ, она сама приплыла къ берегу, а тебя вытащили старшіе воспитанники и откачали, и теперь ты снова будешь здоровымъ!

— Ахъ, какъ хорошо!—обрадовался Сережа и прибавилъ, озираясь съ удивленіемъ вокругъ: — а гдѣ же я?

— Ты въ комнатѣ начальницы, и я останусь здѣсь, съ тобой, пока ты совсѣмъ оправишься, — ласково успокаивала его мама и нѣжно гладила по головкѣ.

Сережа не ощущалъ никакой боли... Ему хотѣлось спать и только.

Онъ уже началъ забываться дремотой, какъ вдругъ внезапно вспомнилъ, что виновникомъ его паденія былъ Грушинъ.

— Ему навѣрное попадетъ, если начальница узнаетъ объ этомъ, — тревожно проговорилъ Сережа, обращаясь къ все еще стоявшему у его постели Принцу.—Непремѣнно попадетъ.

— Непремѣнно попадетъ. Да и по-дѣломъ,—подхватилъ тотъ и сердито сжалъ свои маленькіе кулачки, грозя невидимому Рыжему,—и по-дѣломъ—не толкайся, вѣдь не подоспѣй чуточку старшіе воспитанники, ты бы захлебнулся и умеръ. Весь нашъ классъ ужасно сердится на Грушина, никто съ нимъ не хочетъ сидѣть рядомъ во время уроковъ и обѣда, а главное — выключили его изъ всѣхъ игръ и сторонятся отъ него всѣмъ классомъ.

— А онъ что?

— Притихъ. Сознаетъ свою вину и молчитъ. Валерикъ знаетъ, что онъ толкнулъ тебя въ бассейнъ и говоритъ, что какъ-только донесетъ объ этомъ—Пушка его непремѣнно выключитъ изъ пансіона.

— Неужели выключатъ!—взволновался Сережа.

— Понятно!—спокойно подтвердилъ Принцъ. — И пусть выключатъ! такого не жалко. Вотъ мать его жалко. Она такая бѣдная, несчастная, живетъ на крошечную пенсію и души не чаетъ въ сынѣ, думаетъ, что ея помощникомъ и опорой будетъ.

— Ну, довольно, дѣти,—прервала Сережина мама разболтавшагося Принца.—Пора спать. Закрой глазки, Сережа, и спи спокойно!

Но спать спокойно Сережа не могъ. Долго онъ ворочался съ боку на бокъ и ему все мерещилась печальная, горемъ убитая старушка, мать Грушина, просившая Сережу спасти ея сына.

ГЛАВА XX.

Онъ не виноватъ!

БОДРЫЙ и здоровый поднялся на другое утро Сережа. Пріѣхавшій докторъ внимательно осмотрѣлъ его и остался очень доволенъ.

— Молодчина! Чугунный онъ у васъ,—обратился онъ, смѣясь, къ Пушкѣ.

Сережина мама уѣхала за теплымъ платьемъ для своего выздоровѣвшаго мальчика, такъ какъ день былъ субботній и пансіонеровъ распускали по домамъ.

Когда докторъ уѣхалъ, позволивъ Сережѣ идти въ классъ, мальчикъ чуть не запрыгалъ отъ радости. Особенно пріятно ему было обѣщаніе Принца пойти съ нимъ въ отпускъ и провести цѣлые два дня въ гостяхъ у Сережи.

Но въ самую сильную минуту радости Сережа вдругъ вспомнилъ о Грушинѣ и его бѣдной матери.

— Антонина Васильевна, — робко обратился онъ къ начальницѣ,—я хотѣлъ спросить васъ о Грушинѣ...

— Не говори мнѣ о немъ, — строго проговорила

та, — я сейчасъ сажусь писать письмо его матери, чтобы она взяла своего сына изъ пансіона.

— За что?—невольно вырвалось у Сережи.

— Какъ за что! или ты не знаешь, что тебя толкнулъ въ бассейнъ этотъ негодный Грушинъ?

— Ахъ, нѣтъ!—горячо воскликнулъ Сережа,—да, то-есть... онъ толкнулъ меня... нечаянно... онъ не хотѣлъ... Я обидѣлъ его... я началъ первый... я ударилъ сначала, а онъ только защищался... Увѣряю васъ, онъ не хотѣлъ меня толкнуть...

Начальница внимательно слушала взволнованный лепетъ Сережи. Когда онъ кончилъ, она сказала, строго сдвинувъ брови:

— Такъ вотъ, какъ это было. А мнѣ передали совершенно иначе. Это много измѣняетъ дѣло. Ты оказываешься болѣе виновнымъ, нежели Грушинъ, и слѣдовало-бы тебя примѣрно наказать, но я полагаю, что ты достаточно наказанъ вчерашнимъ паденіемъ въ воду и потому совѣтую тебѣ только постараться исправиться: я не люблю забіякъ! Второго такого поступка я не прощу.

Несмотря на строгое лицо начальницы и на ея суровый тонъ, Сережа былъ ужасно счастливъ, что ему удалось спасти Грушина. Еслибъ онъ оглянулся, выходя изъ комнаты, то увидѣлъ-бы, какъ строгое лицо Пушки озарилось доброй улыбкой и она чуть слышно прошептала вслѣдъ Сережѣ:

— Храни тебя Богъ, добрый мальчикъ, за твое чудесное сердечко. Ты не побоялся оклеветать себя, чтобы спасти своего недавняго врага.

А сіяющій Сережа какъ пуля влетѣлъ въ классъ, отыскалъ глазами сидѣвшаго въ углу Грушина и со всѣхъ ногъ кинулся къ нему, крича и махая руками:

— Не печалься, Рыженькій, не горюй! Она простила и ни за что тебя не выключитъ!

Грушинъ поднялъ на Сережу заплаканные глаза— ему уже было объявлено объ его исключеніи и онъ ничего не понималъ, что ему кричалъ такъ радостно настроенный Сережа.

Послѣдній долженъ былъ повторить... Мальчики окружили недавнихъ враговъ, закидали Сережу вопросами.

Потомъ, узнавъ въ чемъ дѣло, всѣ закричали въ одинъ голосъ:

— Молодецъ, Сережа! Добрый, Сережа! Да здравствуетъ Сережа!

И 22 маленькія ручонки протянулись къ нему и, подхвативъ на воздухъ, начали качать. Когда счастливаго, торжествующаго мальчика опустили на землю, Грушинъ бросился на шею Сережѣ и, обнимая его, проговорилъ смущенно и растроганно:

— Ты меня прости, Горинъ, я много виноватъ передъ тобою!

— Ну, вотъ еще! — засмѣялся Сережа, — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

И мальчики крѣпко поцѣловались, какъ родные братья.

ГЛАВА XXI.

Принцъ въ гостяхъ у Сережи.

НЯНЯ, няня, да открой-же скорѣе, звонятъ! — заволновалась Адочка, ожидавшая у окна возвращенія Сережи.

— Иду! иду, матушка! — и Домна Исаевна заторопилась къ двери.

Каково-же было удивленіе Адочки, когда вмѣсто Сережи на порогѣ показался прелестный бѣлокурый мальчикъ.

Адочка даже попятилась назадъ и спряталась подъ передникъ Домны Исаевны. Потомъ она высунула оттуда свое хорошенькое личико и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, это не Сережа!

— И Сережа здѣсь, и Сережа — поспѣшилъ крикнуть ей изъ передней ея братишка, и черезъ секунду онъ уже былъ въ гостиной и крѣпко обнималъ и цѣловалъ Адочку.

— А кто же это? — робко косясь на бѣлокураго мальчика, спрашивала она Сережу.

— Это Принцъ, товарищъ Сережи, — поспѣшила объяснить ей мама, — его зовутъ Котей и онъ очень друженъ съ Сережей и очень его любитъ!

— Ну, если онъ любитъ Сережу, то и я его полюблю,—пресерьезно отвѣтила малютка и, какъ взрослая, крѣпко пожала руку Принца.

— А гдѣ-же Арапка?.. Арапка, фю-фю! — свистнулъ Сережа, и въ ту-же минуту, откуда ни возьмись, громадный черный Арапка бросился къ Сережѣ и привѣтствовалъ его, лизнувъ въ самое лицо.

Мальчики по-очереди ласкали и гладили собаку и наперерывъ разсказывали всѣ новости пансіонской жизни: и о Худышкѣ, и о Грушинѣ, и о добротѣ Пушки, простившей мальчика, словомъ — обо всемъ, обо всемъ.

И мама, и Домна Исаевна, и Адочка — всѣ слушали ихъ.

Особенно внимательно слушала мама — слушала и не могла наглядѣться, налюбоваться и нарадоваться вдоволь на своего добраго, милаго, великодушнаго мальчика, на своего дорогого Сережу...

Вмѣстѣ со всѣми слушалъ и Арапка. Онъ не сводилъ глазъ съ обоихъ маленькихъ разсказчиковъ, хлопалъ ушами, вилялъ хвостомъ и, казалось, безъ словъ говорилъ всей своей собачьей персоной:

— Это ничего, что вы люди, а я только большой черный ньюфаундлэндъ: я отлично понимаю все, что вы говорите, и куда умнѣе и развитѣе всѣхъ остальныхъ собакъ въ мірѣ.

Принцъ провелъ въ гостяхъ у Сережи все воскресенье. Имъ было такъ весело, что они и не замѣтили, какъ этотъ счастливый день промелкнулъ, словно его и не бывало.

ГЛАВА XXII.

Новая затѣя.

КАКЪ-ТО разъ, проснувшись холоднымъ осеннимъ утромъ, мальчики увидѣли въ окно спальни, что вся земля, крыши домовъ и деревья покрыты сплошь толстымъ слоемъ бѣлаго снѣга.

— Вотъ такъ штука!—вскричалъ Принцъ,—легли спать осенью—проснулись зимою.

— Зима! Зима! — раздалось со всѣхъ сторонъ, и мальчики гурьбой хлынули къ окошку.

— Ну, теперь надо приготовлять коньки и салазки!—разсудительно произнесъ черненькій Жучокъ.

— Братцы, — предложилъ Пѣтухъ, — давайте выстроимъ гору!

— Ну, вотъ еще выдумалъ,—насмѣшливо пожалъ плечами Грушинъ, — развѣ можно изъ перваго снѣга гору строить... Какъ по такой прокатишься, такъ и провалишься.

— Вверхъ тормашками, — ввернулъ свое слово Принцъ, примирившійся теперь окончательно со своимъ бывшимъ врагомъ.

Послѣ Сережинаго паденія въ бассейнъ и послѣдовавшаго затѣмъ полнаго раскаянія со стороны ви-

новника этого несчастья, Грушина, между троими мальчиками не было и помину о прошлыхъ ссорахъ. Напротивъ того, они даже подружились съ Грушинымъ и охотно играли съ нимъ во время рекреацій.

Грушинъ оказывался вовсе не такимъ злымъ, какимъ его представляли себѣ наставники и товарищи: онъ былъ только чрезвычайно лѣнивъ и очень любилъ поддразнивать младшихъ пансіонеровъ; но со дня примиренія его съ Сережей и Принцемъ Грушинъ далъ торжественное слово передъ всѣмъ классомъ отвыкать отъ этой несносной привычки.

— Господа!—внезапно раздался голосокъ Принца, въ то время какъ мальчики въ полнѣйшемъ безмолвіи созерцали побѣлѣвшій, точно одѣтый въ бѣлое одѣяніе, садъ и дворъ пансіона,—знаете что? Давайте-ка, вмѣсто горы, устроимъ въ саду снѣжную бабу!

— Да, да, бабу, бабу! Отлично!—послышалось со всѣхъ сторонъ и вся толпа маленькихъ пансіонеровъ обступила Принца.

— И знаете что! — продолжалъ тотъ, блестя разгорѣвшимися глазами отъ предвкушенія новой забавы,—сдѣлаемъ бабу и изведемъ Пушку.

— Да, да, изведемъ Пушку!—подхватили веселые голоса мальчиковъ, почуявшихъ новую проказу въ предложеніи Принца.

— Братцы, не надо! — нерѣшительно произнесъ голосокъ Мартика Миллера, ужасно не любившаго тѣхъ шалостей, которыя приносили кому-нибудь вредъ и непріятность.

— Ну, вотъ глупости!—вспыхнулъ Принцъ,—что-

тебѣ жалко ея, что-ли? Или ты боишься, что она похудѣетъ отъ злости? Такъ вѣдь это ей полезно, смотри, какая она толстая!—и Принцъ, совершенно позабывъ о томъ, что далъ себѣ слово не раздражать начальницу, безпечно тряхнувъ кудрями, повернулся къ Мартику спиной и сталъ объяснять мальчикамъ, какъ имъ надо извести Пушку.

На Пушку Принцъ былъ ужасно сердитъ. Во-первыхъ, она пожаловалась какъ-то на его проказы m-eur Рено, приходившему аккуратно каждую недѣлю узнавать объ ученьѣ и поведеніи его маленькаго воспитанника, а во-вторыхъ, не пустила послѣднюю субботу въ отпускъ къ Сережиной мамѣ. Принцу было страшно тяжело это наказаніе. Еще бы! Онъ обѣщалъ Адочкѣ, которую любилъ не меньше Сережи, выдрессировать Арапку и сдѣлать крѣпость изъ картонки отъ шляпы, а тутъ на вотъ! точно нарочно, вмѣсто этого цѣлый вечеръ субботній и все воскресенье пришлось чинно просидѣть въ кабинетѣ пріемнаго отца, подлѣ ненавистнаго Рено и учить французскіе глаголы! И Принцъ, разсерженный не шутку, поклялся съ этого дня изводить Пушку чѣмъ и какъ только можетъ.

ГЛАВА XXIII.

Снѣжная баба.

ОТЪ 3-хъ до 4-хъ часовъ по вторникамъ Валерикъ преподавалъ младшимъ гимнастику въ рекреаціонной залѣ, но когда бывала хорошая погода, то урокъ гимнастики производили въ саду, и дѣти бѣгали и рѣзвились на чистомъ воздухѣ.

На этотъ разъ рѣшено было тоже перенести урокъ въ садъ, и мальчики гурьбой хлынули на садовую площадку, находившуюся прямо передъ окнами комнаты Пушки.

— Равняйся! Налѣво кругомъ! Руки кверху! Руки въ бокъ! Лѣвой, правой!—кричалъ, надрываясь, Валерикъ, и изо рта его при каждомъ словѣ ужасно шелъ паръ, занимавшій мальчиковъ.

Черезъ четверть часа Валерикъ прекратилъ урокъ, находя, должно быть, что онъ достаточно надорвалъ себѣ горло, и маленькіе пансіонеры разсыпались по саду.

— Грушинъ и Сережа, подойдите сюда!—звонкимъ шопотомъ сказалъ Принцъ.

Когда оба мальчика приблизились къ шалуну, онъ отвелъ ихъ подальше отъ кучки бѣгающихъ по площадкѣ пансіонеровъ и заговорилъ, волнуясь и захлебываясь отъ нетерпѣнія:

— Помогите мнѣ сгрести въ кучу какъ можно больше снѣгу!

Сережа и Грушинъ не заставили повторять приглашенія, и взявъ въ руки по огромной лопатѣ, забытой дворниками у сарая, стали сбрасывать въ кучу снѣгъ по желанію Принца.

Кучка росла съ каждой минутой. Начинало темнѣть, изъ оконъ Пушки нельзя было уже различить, что дѣлается на площадкѣ. Между тѣмъ, трое мальчиковъ тихонько позвали остальныхъ и маленькія дѣтскія ручонки въ какіе-нибудь полчаса соорудили небольшую, въ ростъ десятилѣтняго мальчика, снѣжную фигуру. Валерика давно уже не было въ саду, а воспитатель Василій Ивановичъ остался съ двумя-тремя кашляющими пансіонерами, которымъ запрещено было гулять, въ классѣ. Такимъ образомъ, никто не мѣшалъ малышамъ и баба вышла на-славу. Издали ее можно было принять за маленькаго человѣчка, а когда Принцъ сбросилъ свое длинное пальто и круглую шапочку и надѣлъ то и другое на снѣговую фигуру, она окончательно пріобрѣла видъ маленькаго пансіонера.

— Что ты дѣлаешь?—вскрикнулъ испуганно Сережа,—ты простудишься!

— Нѣтъ, нѣтъ! — нетерпѣливо отвѣчалъ Принцъ

и, обведя всю толпу мальчугановъ ярко заблестѣвшими глазками, крикнулъ задорно: — Ну-ка, кто теперь хочетъ извести Пушку?

— Я! И я! И я!—послышались звонкіе голоса самыхъ отъявленныхъ шалуновъ класса.

— Ладно! Ладно! Не всѣ сразу,—и Принцъ замахалъ на нихъ руками. — Ты, Пѣтухъ, и ты, Жучокъ, — самые подходящіе. Вотъ что: я побѣгу теперь въ спальню и лягу подъ постель, а вы, придя въ классъ, скажите Пушкѣ, что я пропалъ. Поднимется суматоха! А когда она наищется вдоволь, кто-нибудь изъ васъ бѣгите къ ней и кричите, что меня нашли въ саду, но что я упрямлюсь и не хочу идти. А потомъ... потомъ...—тутъ Принцъ такъ и залился прорвавшимся наружу смѣхомъ,—потомъ ужь увидите, что будетъ!... Вотъ-то потѣха!

Уже замѣтно стемнѣло, когда Василій Ивановичъ вышелъ на крыльцо и сталъ звать мальчиковъ изъ сада. Принцъ, ежась отъ холода, незамѣтно проскользнулъ въ домъ за остальными.

Садъ опустѣлъ. Только передъ окнами Пушки, спиною къ нимъ, одиноко стоялъ маленькій пансіонеръ въ аккуратно застегнутомъ, съ поднятымъ воротникомъ пальто и нахлобученной на самый носъ мѣховой шапкѣ. Руки неподвижнаго пансіонера были заложены въ рукава пальто, а ноги скрыты длиннымъ тулупчикомъ Принца, доходившимъ почти до самой земли.

ГЛАВА XXIV.

Пушку изводятъ.

ПРИНЦЪ лежалъ подъ постелью Морозова, крайней у печки, куда не только никто не заглядывалъ изъ пансіонеровъ, но гдѣ даже и щетка рѣдко проходила по пыльному полу... По крайней мѣрѣ краснощекая Паша предпочитала мести подъ тѣми кроватями, которыя находились ближе къ коридорной двери. За то теперь, лежа въ добровольномъ заточеніи, Принцъ, благодаря неаккуратности Паши, узналъ пропасть интересныхъ вещей: узналъ, что помадную банку, потерянную Валей Сторкомъ, любимцемъ Пушки, никто не утащилъ, какъ увѣрялъ потерпѣвшій, а она преблагополучно лежала тутъ-же около печки и представляла изъ себя весьма печальное зрѣлище: помада растаяла отъ частой топки и, вылившись наружу, облѣпила банку своей темной жидкостью, отъ которой пахло чѣмъ-то прянымъ и невкуснымъ. Узналъ также Принцъ и то, что подъ кроватью Морозова крысы продѣлали дырку, и пискъ по ночамъ, слышанный имъ въ спальнѣ, производятъ

онѣ, а вовсе не маленькіе пансіонеры, какъ думалъ Василій Ивановичъ, спавшій рядомъ въ сосѣдней со спальней младшаго отдѣленія крошечной комнаткѣ.

Сначала Принцъ весь ушелъ въ созерцаніе помадной банки и дырки въ полу, но мало-по-малу ему это наскучило, и, высунувъ изъ-подъ постели свою кудрявую головку, онъ началъ напряженно прислушиваться, стараясь угадать, что происходитъ въ это время въ классѣ.

А происходило вотъ что.

Какъ только мальчики вернулись въ классъ, съ быстротою молніи разнеслась вѣсть о томъ, что Принцъ пропалъ. Поднялась суматоха. Принца искали всюду: въ старшемъ классѣ, въ коридорѣ, въ спальняхъ и даже на кухнѣ. Пушка, испуганная на-смерть исчезновеніемъ изъ пансіона мальчика, не позабыла заглянуть и въ громадную кадку, изъ которой мѣсяца 2 тому назадъ извлекала Сережу и Принца, перепачканныхъ капустой. Но, разумѣется, Принца тамъ не оказалось.

Тогда начальница бросилась въ спальню младшихъ. Это было преинтересное шествіе. Впереди шла со свѣчей Паша, хотя въ свѣчѣ не было никакой необходимости, потому что всюду горѣли лампы. За нею—Вавилычъ, далѣе—Василій Ивановичъ съ блѣднымъ, встревоженнымъ лицомъ и, наконецъ, красная, взволнованная Пушка, замыкавшая шествіе.

— Вакулинъ! — кричала начальница съ порога каждой комнаты, куда-бы ни входила.—Вакулинъ, ты здѣсь? откликнись!

Но Принцъ не откликался и шествіе направлялось дальше.

Младшее отдѣленіе пансіона г-жи Власьевой прилежнѣе, чѣмъ когда-либо, принялось за уроки въ этотъ вечеръ. Разумѣется, никто изъ мальчиковъ и не думалъ учиться, всѣхъ ихъ такъ и разбиралъ интересный вопросъ: «А что будетъ дальше»?

Одинъ Сережа волновался совершенно иначе.

«И зачѣмъ онъ выдумалъ эту глупую затѣю! — съ тоскою думалъ мальчикъ,— вѣдь опять его накажутъ, что хорошаго! А Адочка сказала, что будетъ ждать его въ будущую субботу! А его не пустятъ, навѣрное не пустятъ».

Ровно въ 8 часовъ, когда младшій классъ шелъ ужинать, неожиданно въ столовую влетѣлъ съ громкимъ крикомъ Ваня Изюминъ, прозываемый Жучкомъ:

— Я нашелъ его! я его нашелъ!

— Гдѣ? гдѣ?—такъ и набросилась на него Пушка.

— Нашелъ, нашелъ!—твердилъ Жучокъ,—онъ въ саду гуляетъ одинъ! Я его звалъ черезъ форточку: «Принцъ, иди!», а онъ и слушать не хочетъ!

— Ахъ, онъ скверный мальчишка!—вскипятилась Пушка,—скажи ему, чтобы шелъ сейчасъ-же, или онъ будетъ строго наказанъ.

— Да я ему и такъ ужь говорилъ!

— А онъ что?

— Не идетъ!

— А ты-бы одѣлся и привелъ его!

— Да онъ не послушается: Принцъ сильный, сильнѣе меня! Надо кого-нибудь еще взять на подмогу.

Пушка задумалась на минуту, потомъ ее сразу вдругъ какъ-бы осѣнила какая-то мысль. Она произнесла:

— Вотъ что, дѣти, и вы, Василій Ивановичъ, одѣньтесь и идите въ садъ! Я приду туда сейчасъ-же. Поймайте мнѣ Вакулина, и сейчасъ-же чтобы отправился въ карцеръ, не медля!

Мальчики были въ восторгѣ и отъ предстоящей вечерней прогулки, и отъ забавной облавы снѣжной куклы, которая изображала собой спрятавшагося Принца.

Черезъ пять минутъ вся ватага веселыхъ маленькихъ пансіонеровъ, съ Пушкой и воспитателемъ во главѣ, ринулась въ садъ.

ГЛАВА XXV.

Облава.

ВАКУЛИНЪ! домой!

Молчаніе.

— Вакулинъ, сію-же минуту домой!

Новое молчаніе въ отвѣтъ.

— Скверный мальчишка, иди сюда. Слышишь?

Но Вакулинъ ни съ мѣста.

Пансіонеры тѣснымъ кругомъ окружили снѣжную бабу, одѣтую въ костюмъ Принца, и поминутно прыскали со смѣха втихомолку отъ Пушки. А она изъ себя выходила, надрываясь крикомъ, призывающимъ Принца. Пушка стояла на крыльцѣ, не рѣшаясь спуститься въ садъ безъ галошъ, а Паша какъ нарочно медлила, не неся галоши.

Наконецъ, Василій Ивановичъ, отличающійся ужасной близорукостью, пробрался сквозь толпу пансіонеровъ и, подойдя почти вплотную къ снѣжной бабѣ, заговорилъ ласково и кротко, стараясь урезонить шалуна-Принца:

— Вакулинъ, и не стыдно тебѣ! Ты тревожишь

начальницу, заставляешь ее стоять на холоду и простужаться. Какой примѣръ ты подаешь прочимъ мальчикамъ, а еще лучшій ученикъ! Ай-ай-ай, какъ стыдно, Вакулинъ!

Несмотря на эту ласковую отповѣдь наставника, Вакулинъ попрежнему не шевелился, повергая въ полное недоумѣніе добраго Василія Ивановича.

Наконецъ, галоши были принесены, надѣты на ноги Антонины Васильевны и она почти бѣгомъ, задыхаясь отъ волненія, бросилась къ фигурѣ, окруженной мальчиками. Схвативъ предполагаемаго Принца за рукавъ пальто, она стала сильно трясти его изъ стороны въ сторону. Отъ сотрясенія, плохо придѣланная къ туловищу голова снѣжной бабы отвалилась вмустѣ съ шапкой и, упавъ на землю, разсыпалась тамъ на нѣсколько кусковъ.

Фигура въ пальто стояла теперь уже обезглавленная. Пансіонеры хохотали до изнеможенія, до коликъ, а взбѣшенная Пушка, съ громкими угрозами «негоднымъ шалунамъ», какъ разъяренная львица кинулась въ домъ на новые поиски исчезнувшаго Вакулина.

Но искать его долго не пришлось на этотъ разъ: Принцъ преспокойно спалъ на своей кровати, и когда разбудившая его Пушка, захлебываясь отъ злости, стала выговаривать ему громкимъ, сердитымъ голосомъ, онъ открылъ заспанные глаза, безсмысленно потаращилъ ихъ на начальницу и вдругъ разразился сердито-жалобнымъ голосомъ:

— Что такое? какая баба? что надо? ничего не понимаю! У меня болитъ голова, дайте мнѣ спать, по-

жалуйста!—И вдругъ, придавъ своему красивому личику выраженіе плачущаго ребенка, онъ заревѣлъ во все горло, протяжно и смѣшно растягивая слова, какъ это дѣлаютъ обыкновенно самыя маленькія дѣти.— Дай-те мнѣ спать. Я па-пѣ ска-жу!

Пушка, какъ ошпаренная, отскочила отъ постели ревущаго благимъ матомъ Принца и, зажавъ себѣ уши, прошептала въ смертельномъ унынiи и тоскѣ:

— Господь Милосердный! Что это за ребенокъ!

Пансіонеры такъ и прыснули отъ смѣха.

Затѣя Принца удалась на-славу. Пушку извели

ГЛАВА XXVI.

Арапка виноватъ.

ПРИНЦЪ отсидѣлъ шесть дней въ карцерѣ, и снова все вошло въ свою прежнюю колею.

Сережа опять былъ въ воскресномъ отпуску безъ своего друга.

— А гдѣ-же Принцинька?—приставала къ нему до тѣхъ поръ Адочка, пока мальчикъ не рѣшился, наконецъ, сказать, что Принцъ снова наказанъ.

— Ахъ, онъ бѣдненькій,—чуть не плача, лепетала Адочка, узнавъ похожденія своего любимца.—А Пушка злая, гадкая! Я ея не люблю! терпѣть не могу! Ты ей такъ и скажи это отъ меня, Сережа!

Но мама объяснила расходившейся дѣвочкѣ, что Пушка тутъ не при чемъ и что Котя Вакулинъ наказанъ за дѣло, что не хорошо подшучивать надъ старшими, а тѣмъ болѣе надъ начальствомъ, и Адочка нѣсколько успокоилась.

— А ты все-таки передай ему,—сказала она Сережѣ, когда тотъ въ понедѣльникъ утромъ складывалъ свои книги, приготовляясь идти въ пансіонъ,—что я его очень люблю, Принциньку, и что непремѣнно при-

ду васъ навѣстить на этой недѣлѣ съ няней. Вѣдь можно, мамочка? да?

— Конечно, можно, дѣвочка!—улыбнулась мама, и тутъ-же было рѣшено, что Адочка съ Домной Исаевной придутъ въ пансіонъ въ четвергъ утромъ.

Адочка сдержала свое обѣщаніе и въ четвергъ, въ 12 часовъ, когда пансіонеры сидѣли за завтракомъ, она пришла въ сопровожденіи Домны Исаевны и Арапки и попросила Вавилыча вызвать брата и Вакулина изъ столовой.

Принцъ и Сережа на-перегонки бросились въ прихожую. Адочка, при видѣ ихъ, весело захлопала въ ладоши, Арапка завизжалъ и запрыгалъ, Домна Исаевна зашикала, усмиряя маленькую команду, словомъ—они надѣлали сразу столько шума въ крошечной пансіонерской прихожей, что изъ столовой прибѣжалъ Василій Ивановичъ, а за нимъ и нѣсколько человѣкъ пансіонеровъ младшаго отдѣленія.

— Вотъ такъ песъ! Настоящій медвѣдь! Какъ его зовутъ, Горинъ?—раздавались поминутно восклицанія столпившихся въ прихожей мальчиковъ.

Сережа, запыхавшійся и довольный тѣмъ, что его любимецъ произвелъ такое пріятное впечатлѣніе на его товарищей, говорилъ, что собаку зовутъ Адочкой, а сестрицу Арапкой, и просилъ собаку сдѣлать реверансъ пансіонерамъ, какъ подобаетъ умной дѣвочкѣ, а Адочкѣ наказывалъ не кусаться и вести себя вполнѣ благопристойно.

— Что ты мелешь, Горинъ?—остановилъ его Василій Ивановичъ.

Тутъ только Сережа понялъ свою оговорку и громко расхохотался. Расхохоталась и вся толпа пансіонеровъ. Звонкимъ, какъ серебряный колокольчикъ, голоскомъ залилась и Адочка. Арапка, видя, что всѣ радостно и весело смѣются, тоже засмѣялся — только по своему, по-собачьи, ужасно разѣвая пасть, точно готовясь проглотить и пансіонеровъ, и воспитателя, и сторожа Вавилыча, при этомъ онъ издавалъ отчаянный лай, отъ котораго звенѣло въ ушахъ, и у непривычныхъ къ этимъ звукамъ маленькихъ пансіонеровъ пробѣгала легкая дрожь по спинѣ отъ страха.

Въ эту минуту въ прихожей раздался звонокъ. Вавилычъ бросился отворять двери.

Вошла Антонина Васильевна Власьева, нагруженная тюричками и пакетами.

— Что такое? что здѣсь за шумъ?—строго обвела она глазами все собраніе, и вдругъ, увидя громаднаго, съ открытой пастью Арапку, вскрикнула, ошеломленная ужасомъ:

— Батюшки, медвѣдь!—и присѣла на полъ.

Напрасно Принцъ и Сережа увѣряли почтенную даму, что это вовсе не медвѣдь, а только собака и вдобавокъ совсѣмъ не страшная, — начальница еще разъ проговорила чуть слышно, перепуганнымъ голосомъ:

— Прочь ее! прочь сейчасъ это чудовище! — и быстрымъ шагомъ бросилась изъ прихожей.

У Арапки была одна особенность: онъ не могъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Теперь, видя, какъ толстая барыня выскочила въ коридоръ, онъ

предположилъ, что она хочетъ съ нимъ поиграть, и быстрыми скачками кинулся за нею вдогонку, отчаянно лая на весь пансіонъ. Пушка обомлѣла. Съ минуту она стояла въ нерѣшительности, потомъ, видя, что собака приближается къ ней, быстрыми прыжками, съ громкимъ крикомъ, бросилась бѣжать. Арапка за нею. За Арапкой мчался на смерть перепуганный Сережа, который кричалъ начальницѣ, надрывая горло, что собака не укуситъ и старался схватить Арапку за хвостъ. За Сережей бѣжалъ Принцъ, хохочущій во все горло, забывшій окончательно, что едва прошли сутки, какъ онъ вышелъ изъ карцера, гдѣ отсиживалъ срокъ наказанія за непочтеніе къ старшимъ. За Принцемъ бѣжалъ Василій Ивановичъ, неистово крича:

— Тубо, Трезорка, тубо!

Но собака, которую звали Арапкой, а не Трезоркой, конечно, и въ усъ не дула, какъ говорится, и мчалась по пятамъ начальницы съ неистовымъ лаемъ.

Старшіе пансіонеры выскочили изъ столовой посмотрѣть на новую продѣлку младшихъ.

Наконецъ, Пушка, достигнувъ своей комнаты, изо всѣхъ силъ рванула дверь и, вбѣжавъ туда, снова захлопнула ее передъ самымъ носомъ Арапки.

Арапка сразу осѣлъ. Все его собачье веселье мигомъ какъ рукой сняло. Онъ примостился передъ закрытою дверью и сталъ умильно помахивать хвостомъ и жалобно подвывать, какъ-бы жалуясь на то, что такъ неожиданно и скоро прервали его забаву. Въ ту-же

минуту изъ-за двери послышался сердитый голосъ Пушки:

— Позвать сюда Вакулина, Горина и всѣхъ мальчиковъ, уськавшихъ собаку.

— Уськавшихъ собаку?—переспросилъ Принцъ, и у него разомъ прошла всякая охота смѣяться.

Если ему весело было бѣжать вмѣстѣ съ другими въ погоню за собакой, то уже вовсе не интересно отсиживать второе наказаніе въ карцерѣ, изъ котораго онъ только-что вышелъ. А между тѣмъ на это было очень похоже. Очевидно, начальница приняла глупую выходку Арапки за новую шалость мальчиковъ. Не даромъ-же она звала всѣхъ тѣхъ, кто «науськивалъ» собаку.

Сережа, Принцъ и другіе пансіонеры тревожно переглянулись.

— Она ни за что не повѣритъ, что это мы не нарочно сдѣлали, и что во всемъ виноватъ одинъ Арапка,—понурясь, произнесъ Сережа.

— Василій Ивановичъ скажетъ! Вѣдь вы скажете, Василій Ивановичъ, что мы не нарочно! Да?—самымъ умильнымъ голоскомъ попросилъ Принцъ воспитателя.

Но послѣдній былъ сердитъ на Принца за послѣднюю его продѣлку со снѣжной бабой и наотрѣзъ отказалъ заступаться за мальчиковъ.

— Ну, тогда ты, Валя Сторкъ, пойди къ Антонинѣ Васильевнѣ и объясни все какъ было, — попросилъ Принцъ худенькаго, высокаго, некрасиваго мальчика, любимца Пушки.

— Вотъ еще, стану я заступаться за васъ, шалу-

новъ,— насмѣшливо отвѣчалъ Сторкъ,— да и потомъ, я не ручаюсь, что ты или Горинъ не подуськивали Арапку.

— Ахъ, ты гадкій мальчишка!—процѣдилъ только сквозь зубы Принцъ, не желая поднимать ссоры въ присутствіи Адочки и няни.

А между тѣмъ изъ комнаты начальницы раздался новый возгласъ, звучавшій много строже перваго:

— Вакулинъ и Горинъ, двѣ субботы безъ отпуска и маршъ подъ арестъ на цѣлую недѣлю!

— Что это!—воскликнула Адочка, приблизившаяся къ мальчикамъ въ сопровожденіи няни,—за что васъ наказываютъ? Вѣдь вы ничѣмъ не виноваты, бѣдненькіе!—и она бросилась къ Принцу и Сережѣ съ полными слезъ глазами.

— Ничего, ничего, Адочка! — утѣшалъ Сережа встревоженную дѣвочку. — Она вовсе не злая и проститъ насъ, сейчасъ-же проститъ, какъ узнаетъ, что мы не виноваты!

— А какъ-же она узнаетъ?

— Ей кто-нибудь разскажетъ,—убѣжденно проговорилъ Принцъ.

— Да какъ-же она узнаетъ, — не унималась дѣвочка,—когда ни этотъ строгій господинъ,— она метнула глазками въ сторону удалявшагося Василія Ивановича, — ни тотъ злой мальчикъ, котораго просилъ Принцынька, не хотятъ заступиться за васъ.

— Не бѣда, Адочка, посидимъ въ карцерѣ, эка невидаль!—весело проговорилъ Принцъ, безпечно тряхнувъ своими бѣлокурыми кудрями.

— Но я не хочу! не хочу! не хочу, чтобы вы сидѣли въ карцерѣ!—совсѣмъ уже готовая заплакать проговорила дѣвочка.

Но вдругъ внезапная мысль промелькнула въ ея хорошенькой головкѣ, и мгновенно все ея розовое личико расплылось въ лукавую и веселую улыбку.

Она съ таинственнымъ видомъ посмотрѣла на обоихъ друзей, потомъ перевела тотъ-же лукавый взглядъ на няню Домну Исаевну и, рѣшительно подойдя къ комнатѣ Пушки, взялась за ручку двери.

— Что ты дѣлаешь, Адочка! — вырвалось разомъ изъ груди няни, Принца и Сережи.

Но было уже поздно.

Адочка повернула ручку и вошла въ комнату начальницы.

ГЛАВА XXVII.

Адочка въ роли защитника.

ЕСЛИ-БЫ передъ лицо все еще сильно разгнѣванной Пушки предстала старая, сѣдая колдунья, — она бы удивилась ничуть не больше, чѣмъ теперь, увидя передъ собою нарядную маленькую дѣвочку, смотрѣвшую на нее застѣнчиво и кротко.

— Что тебѣ надо, малютка? — обратилась она къ дѣвочкѣ,—и кто ты?

Адочка еще ласковѣе взглянула на начальницу. Она рѣшительно ничего ни дурного, ни злого не находила въ ея все еще красномъ отъ волненія, полномъ лицѣ, которое такъ не долюбливали ни братъ, ни ея новый другъ и пріятель Принцынька.

«Навѣрное, она ихъ проститъ, если попросить хорошенько,—подумала дѣвочка,—она добрая»—и, сдѣлавъ два шага отъ двери, Адочка проговорила звонкимъ, какъ серебро, голоскомъ, все еще не спуская съ начальницы своего застѣнчиво-ласковаго взгляда:

— Пожалуйста, добрая госпожа Пушка, простите

Принца и Сережу. Увѣряю васъ, они не нарочно. Одинъ Арапка виноватъ и больше никто. Онъ очень глупая собака—Арапка, но онъ тоже больше не будетъ. Пожалуйста, госпожа Пушка, простите ихъ!

При этихъ словахъ г-жа Власьева уже собиралась было вскочить со стула, затопать ногами и накричать на маленькую дѣвочку за то, что она называла ее Пушкой. Антонина Васильевна знала, что пансіонеры, большіе и маленькіе, прозвали ее такъ, и напоминаніе объ этомъ прозвищѣ ужасно раздражало и сердило почтенную даму.

«Такая крошечная, — сердито подумала она про Адочку,—а уже тоже позволяетъ себѣ говорить дерзости старшимъ!»

Но при видѣ испуганно-молящаго личика ребенка, заглянувъ въ его синіе, кроткіе глазки, Пушка вдругъ сразу поняла, что эта милая, хорошая маленькая дѣвочка далека отъ мысли ее обидѣть. Къ тому-же Адочка подвигалась все ближе и ближе къ ней и твердила все нѣжнѣе и ласковѣе:

— Ну, пожалуйста, ну, пожалуйста, миленькая, добренькая, г-жа Пушка, не сердитесь на нихъ и не наказывайте! право-же, это все Арапка!.. Накажите лучше Арапку!.. посадите его въ карцеръ... только не Сергунчика и не Принцыньку. Пожалуйста, г-жа Пушка!

Каждый разъ при повтореніи ея ненавистнаго прозвища Пушку передергивало, но прелестная маленькая дѣвочка такъ нравилась ей своимъ прямымъ чи-

стымъ взглядомъ и открытымъ личикомъ, что разсердиться на нее она положительно не могла

— Меня зовутъ Антониной Васильевной, а не Пушкой, малютка! — произнесла она какъ можно ласковѣе, чтобы не испугать ребенка, — и ты не зови меня больше Пушкой. Слышишь?

— Хорошо!—покорно произнесла Адочка и тутъ-же стала пояснять начальницѣ, какъ онѣ съ няней пришли навѣстить Сережу и Принца, и какъ за ними увязался противный Арапка и какъ Арапка сталъ лаять на весь домъ и напугалъ всѣхъ пансіонеровъ.

— И потомъ вы вошли,—торопливо поясняла дѣвочка,—испугались и побѣжали, а глупый Арапка думалъ, что съ нимъ играютъ и тоже побѣжалъ за вами. А его никто не думалъ уськать. Правда! Принцъ и Сережа такіе добрые... Они-бы ни за что не стали... Принцъ веселый... онъ обѣщалъ устроить крѣпость изъ картона въ слѣдующій же отпускъ... Ахъ, какъ я его люблю! и Сергунчика, и маму! тѣхъ еще больше! И няню! всѣхъ, всѣхъ!—неожиданно заключила Адочка.

Пушка слушала все время съ большимъ вниманіемъ все, что ей разсказывала эта маленькая голубоглазая дѣвочка, и постепенно морщинки на ея сердито-нахмуренномъ лицѣ расправлялись и улыбка то и дѣло морщила до тѣхъ поръ плотно сжатыя губы.

Наконецъ, когда Адочка остановилась на минуту, чтобы перевести дыханіе, Пушка спросила:

— Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— Адочкой!—было отвѣтомъ.

— Ну, вотъ что, Адочка,—ласково проговорила начальница и погладила дѣвочку по кудрявой головкѣ,— я вѣрю, что ты говоришь правду; ни твой братъ, ни его товарищъ не виноваты въ томъ, что собака бросилась за мною. Поэтому пойди скажи имъ отъ моего имени, что они не будутъ наказаны, и я не посажу ихъ въ карцеръ.

— И Арапку тоже не посадите?—тревожно спросила Адочка.

— И Арапку не посажу!—съ невольной улыбкой произнесла начальница и тутъ же прибавила шутливо:—а только Арапку слѣдовало наказать за то, что онъ не умѣетъ себя вести. Ну, да Богъ съ нимъ. Вѣдь онъ тоже не будетъ больше? Какъ ты думаешь, Адочка?

— Не будетъ!—убѣжденно проговорила дѣвочка.

— Ну, вотъ и отлично,—совсѣмъ уже развеселилась Антонина Васильевна,—и Арапку мы съ тобой простимъ.

— Ахъ, какая вы добрая, г-жа Пушка! спасибо вамъ!—воскликнула обрадованная Адочка и хотѣла было броситься на шею начальницѣ, но неожиданно смутилась, вспомнивъ, что опять назвала ее не такъ, какъ бы слѣдовало, и тревожно скосила глазки на свою новую знакомую.

Но Пушка и не подумала разсердиться. Напротивъ, лицо ея такъ и сіяло ласковой улыбкой. Она поманила къ себѣ малютку, крѣпко поцѣловала ее, и довольная, счастливая своимъ успѣхомъ Адочка, весело подпрыгивая, выскочила изъ комнаты начальницы.

ГЛАВА XXVIII.

Двѣнадцать рыцарей и одна королева.

ПРОСТИЛА! простила! всѣхъ простила! И тебя, Сергунчикъ, и тебя, Принцынька, и тебя, Арапка!—веселымъ шопотомъ объявила дѣвочка все еще стоявшимъ у двери мальчикамъ, тревожно прислушивавшимся къ голосамъ, долетающимъ изъ комнаты Пушки. Арапка, придерживаемый за ошейникъ сильной рукой Домны Исаевны, тоже какъ-будто прислушивался, держа ушки на макушкѣ и тяжело дыша послѣ злосчастной бѣготни по пансіону.

— Что? что такое? — такъ и кинулись къ Адочкѣ Сережа съ Принцемъ.

Тѣмъ же звонкимъ шопотомъ Адочка сообщила своимъ друзьямъ, какъ она упросила начальницу, и какъ та оказалась вовсе не такой злюкой, какою она ей представлялась, а напротивъ, очень доброй, и только просила Адочку не называть ее больше Пушкой.

— Какъ? Развѣ ты ее называла Пушкой?—вскричали въ одинъ голосъ Сережа и Принцъ, совсѣмъ по-

забывая, что они находятся у самой двери начальницы.

— Вовсе нѣтъ!—даже какъ будто обидѣлась Адочка, —я вовсе не называла ее просто Пушкой, а госпожей Пушкой... Мама всегда вѣдь прибавляетъ госпожа, когда говоритъ съ портнихой Анной Петровной Вязиной. Такъ и говоритъ: госпожа Вязина. Такъ отчего-же и мнѣ не сказать было вашей начальницѣ: госпожа Пушка! Это очень вѣжливо...

— Что ты надѣлала, Адочка, ты насъ погубила!— испуганно зашепталъ Сережа.—Вѣдь ее зовутъ Антониной Васильевной, а не Пушкой вовсе, и только шалуны-мальчики прозвали ее такъ въ насмѣшку! Она этого не знала раньше, а теперь узнала отъ тебя и ужасно разсердится!

— Вотъ пустяки-то!—прервалъ Принцъ тревожную рѣчь Сережи.—Ничего не разсердится! А разсердится— не будемъ ее называть такъ больше—только и всего! Молодецъ, Адочка!—обратился онъ къ сконфуженной дѣвочкѣ.—Ловко насъ отстояла! Спасибо!

И прежде чѣмъ Сережа, Домна Исаевна и сама Адочка успѣли опомниться, Принцъ подхватилъ дѣвочку на руки, посадилъ ее на спину и бѣгомъ пустился съ нею въ классъ.

Сережа, попрося няню подождать ихъ въ прихожей и подержать Арапку, чтобы онъ снова не выкинулъ какой-нибудь новой нежелательной штуки, пустился за ними.

Въ младшемъ отдѣленіи урока не было, а такъ-называемая большая перемѣна, т.-е. промежутокъ

между завтракомъ и слѣдующими уроками, и предоставленные самимъ себѣ мальчики играли въ это время, читали или, дружно обнявшись, гуляли между скамейками.

При видѣ вбѣжавшаго Принца и громко смѣющейся на его спинѣ Адочки, они всѣ повскакали со своихъ мѣстъ и вмигъ окружили Принца.

— Дорогу королевѣ!—кричалъ онъ басомъ и, сбросивъ съ каѳедры лежащія на ней книги и тетради, посадилъ на нее Адочку.

Адочка вовсе не отличалась робостью, какъ прочія маленькія дѣвочки, и, преважно возсѣдая на каѳедрѣ, съ видомъ настоящей маленькой королевы, разглядывала толпившихся у ея ногъ мальчиковъ любопытными смѣющимися глазками.

А Принцъ, стоя подлѣ дѣвочки и придерживая ее, чтобы она не упала со своего королевскаго трона, разсказывалъ товарищамъ, какъ храбрая Адочка избавила его и Сережу отъ наказанія, попросивъ за нихъ Пушку.

Мальчики шумно одобрили поступокъ Адочки и страшно хохотали надъ тѣмъ, какъ она, по своей дѣтской наивности, называла начальницу госпожей Пушкой.

— Вотъ ты струсилъ, а дѣвочка, да еще такая малюсенькая, не побоялась!—упрекнулъ Грушинъ Валю Сторка, тоже подошедшаго вмѣстѣ съ другими къ каѳедрѣ.

— И совсѣмъ я не малюсенькая: мнѣ уже 5 лѣтъ!—обиженно возразила Грушину Адочка,—и потомъ я теперь уже не дѣвочка,—продолжала она, окинувъ всѣхъ

гордымъ взглядомъ,—а королева! Вы слышали, Принцъ назвалъ меня королевой!

— Да, да, королева, королева!—раздались со всѣхъ сторонъ веселые голоса, — ты королева, а мы твои рыцари!

— Смотри, насъ какъ много, — воскликнулъ Пѣтухъ, — цѣлыхъ двѣнадцать человѣкъ, и вотъ у тебя будетъ 12 рыцарей. Хочешь?

— Конечно, хочу! — серьезно отвѣтила Адочка, — только мнѣ пора домой! А то меня ждетъ мама дома, а въ прихожей ждутъ няня и Арапка!

— Отлично!—вскричалъ Жучокъ,—мы проводимъ тебя къ нимъ. Съ почетомъ проводимъ, какъ подобаетъ королевѣ.

— Да, да, проводимъ, проводимъ, — подхватили другіе.

— Сережа!—между тѣмъ уже распоряжался Принцъ, —ты, какъ братъ королевы, будь ея гофмаршаломъ. Вотъ тебѣ кочерга. Это твой гофмаршальскій жезлъ. Ты подними его и иди впереди. Ты, Морозко, и ты, Грушинъ, вы самые высокіе въ классѣ, соедините руки и посадите на нихъ Адочку. Жучокъ, я, Пѣтухъ и всѣ прочіе берите линейки, привяжите къ нимъ носовые платки, это будутъ знамена. Становитесь съ ними въ пары и идите по-двое за носилками. А ты, Мартикъ, и ты, Сторкъ, вы такіе тихони, что Пушка на васъ не разсердится, если васъ и поймаетъ, берите тетрадки, сверните ихъ трубочками и трубите во всю. Поняли меня всѣ? Ну, маршъ впередъ!

Когда Принцъ выдумывалъ какую-нибудь затѣю

или шалость, никому и въ голову не приходило ослушаться его. Онъ, къ тому-же, всегда говорилъ настоящимъ тономъ маленькаго командира, которому никто не посмѣлъ бы возражать. Вотъ почему всѣ одиннадцать мальчиковъ мигомъ поступили подъ его команду. Двое рыцарей несли королеву, одинъ представлялъ изъ себя гофмаршала, семь человѣкъ шли попарно, размахивая грязными носовыми платками (чистаго, къ сожалѣнію, не нашлось ни у одного мальчика), а двое, самые лучшіе ученики въ классѣ—Сторкъ и Миллеръ—такъ старательно трубили въ свои самодѣльныя трубы, что грозили оглушить весь пансіонъ.

Это странное шествіе миновало коридоръ, рекреаціонный залъ и вступило въ коридоръ, направляясь къ прихожей. Нѣсколько человѣкъ старшихъ пансіонеровъ, желая повеселить важно-возсѣдающую Адочку на рукахъ ея рыцарей, примкнули къ малышамъ и по-временамъ оглашали громкимъ ура стѣны пансіона.

Проходя мимо комнаты начальницы, мальчики было притихли на минуту, но внезапно появившаяся на порогѣ Пушка, увидя забавное шествіе, не могла удержаться отъ улыбки, и, увидя эту улыбку, маленькіе трубачи затрубили еще оглушительнѣе, а знаменщики еще неистовѣе замахали грязными платками, привязанными къ линейкамъ.

— А знаешь, Сергунъ, она вовсе не такая злюка, какъ мы думали,—сказалъ старшій знаменщикъ Принцъ гофмаршалу Сережѣ.

Гофмаршалъ только важно кивнулъ головою въ

знакъ согласія и еще выше поднялъ руку съ жезломъ-кочергою.

При видѣ столькихъ мальчиковъ и своей маленькой хозяйки на рукахъ у двухъ высокихъ пансіонеровъ, Арапка, несмотря на урезониванія няни Домны Исаевны, все еще державшей его за ошейникъ, завылъ такъ, точно увидѣлъ не королеву съ ея двѣнадцатью рыцарями, а цѣлую дюжину кошекъ, которыхъ считалъ своими злѣйшими врагами.

Няня зашикала на него изо всѣхъ силъ, поторопилась снять торжествующую Адочку съ рукъ ея новыхъ пріятелей и стала обувать ее въ теплыя гамаши и галоши. Черезъ десять минутъ она была одѣта.

— Прощайте, королева!—кричали всѣ двѣнадцать мальчиковъ, высыпая слѣдомъ за Адочкой на площадку лѣстницы.

— Прощайте, рыцари! — важно отвѣчала Адочка и съ улыбкой кивала головою своимъ новымъ друзьямъ.

И няня также ласково кивала шалунамъ. Ей очень понравились веселые, жизнерадостные товарищи ея ненагляднаго Сереженьки, такъ ласково принявшіе сегодня его маленькую сестренку.

Только Арапка былъ недоволенъ пріемомъ. Онъ скалилъ всю дорогу зубы и издавалъ что-то похожее на тихое рычанье.

Очевидно, Арапка считалъ себя непонятымъ и неоцѣненнымъ въ достаточной мѣрѣ своими новыми знакомыми...

ГЛАВА XXIX.

Горе Мартика.

МАРТИКЪ Миллеръ, всегда тихенькій, блѣдный мальчикъ, сталъ еще молчаливѣе и грустнѣе.

— Что съ тобой, Мартикъ?— спрашивали его товарищи.

Но Мартикъ ничего не отвѣчалъ на это, точно не слышалъ вопроса, и старался тотчасъ же заговорить о чемъ-нибудь другомъ. И Сережа замѣчалъ, что послѣ такихъ разспросовъ Мартикъ становился еще грустнѣе, печальнѣе и задумчивѣе. Сережа очень любилъ Мартика, немногимъ меньше Принца: Принцемъ онъ восхищался, преклонялся предъ его храбростью, заразительной веселостью и добрымъ сердечкомъ; Мартика же онъ жалѣлъ за то, что тотъ былъ постоянно такой тихенькій и грустный, точно у него всегда что-нибудь болѣло. А теперь Сережа вдвое жалѣлъ Мартика, видя, что тотъ груститъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Что съ тобою, Мартикъ? — какъ-то разъ, улу-

чивъ свободную минутку, когда Принцъ гонялся за Жучкомъ по залу, спросилъ Сережа мальчика.

Въ отвѣтъ на его вопросъ Мартикъ молча заплакалъ.

У Сережи сердечко забилось отъ жалости. Еще бы! маленькій, худенькій, немногимъ выше Адочки, Мартикъ такъ горько плакалъ, вытирая глаза кулачонками, какъ самый крошечный мальчикъ.

— Мартикъ, голубчикъ! — не унимался Сережа и, обнявъ мальчика, онъ отвелъ его подальше отъ бѣгающихъ и рѣзвящихся по залу пансіонеровъ, — разскажи ты мнѣ, о чемъ ты плачешь, пожалуйста разскажи, Мартикъ, миленькій.

Ласковый голосъ Сережи, его собственные глаза, блестѣвшіе слезами участія, успокоили Мартика. Онъ вытеръ глаза и, обнявъ въ свою очередь Сережу, сказалъ шопотомъ:

— Хорошо, я тебѣ откроюсь! Только ты никому не скажешь?

— Нѣтъ! — твердо отвѣчалъ Сережа, — никому не скажу, будь покоенъ!

— Смотри-же,—произнесъ строго Мартикъ, грозя тоненькимъ пальчикомъ, — ты обѣщалъ не говорить! А теперь слушай! Ты знаешь, Сережа, что меня воспитываетъ одна богатая генеральша, одѣваетъ меня, беретъ къ себѣ въ отпускъ, платитъ за мое ученье. Она очень строгая и важная, но меня она любитъ. У нея нѣтъ своихъ дѣтей и она меня еще совсѣмъ маленькимъ взяла отъ моей мамы. Моя мама—простая швея, но она ужасно меня любитъ, Сережа. Ей было

очень жаль отдавать меня генеральшѣ, но сама она не смогла бы дать мнѣ такого хорошаго воспитанія, да и заниматься ей мною было-бы некогда: она должна день и ночь работать, чтобы прокормить себя хоть какъ-нибудь. Генеральша очень важная барыня и никогда не спроситъ маму о ея дѣлахъ, она такъ и считаетъ себя маминой благодѣтельницей и говоритъ, что уже много сдѣлала для мамы и безъ того, взявъ меня къ себѣ. Да и мама моя изъ гордости никогда не попроситъ у нея ничего; лучше просидитъ голодная. Но все-бы это еще ничего, если-бы мама была здорова, а вотъ уже съ недѣлю, какъ она больна и лежитъ въ постели. Ты знаешь, Сережа, вѣдь она приходитъ ко мнѣ въ пансіонъ каждую среду, въ эту же среду она не пришла, а прислала маленькую дочь квартирной хозяйки—сказать мнѣ, что она немного нездорова. Только это неправда, Сережа: она очень нездорова, а не немного, говоритъ же она такъ, чтобы не встревожить меня. Дуня, хозяйская дѣвочка, сказала, что мама лежитъ горячая, какъ огонь, и что ей не на что пригласить доктора и купить лѣкарство! У мамы нѣтъ ни копѣйки, а пока я обращусь къ генеральшѣ съ просьбою помочь ей и пока генеральша дастъ мнѣ денегъ, — можетъ быть, уже будетъ поздно и моя мама умретъ.

И съ этими словами бѣдненькій Мартикъ припалъ на плечо Сережи и снова горько-горько заплакалъ

ГЛАВА XXX.

По секрету.

ПРИНЦЪ! Принцъ!—тревожно произнесъ тихимъ шопотомъ Сережа, лежа въ тотъ-же вечеръ въ своей постелькѣ, находящейся въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Принциной кроваткой,—ты еще не спишь?

— Нѣтъ. А что тебѣ надо?

— Я долженъ кое-что сообщить тебѣ по-секрету.

— По-секрету?

— Ну, да, только говори тише, чтобы никто не услыхалъ. Слушай-же...

— Ну, говори.

— Видишь-ли, Принцъ, Мартикина мама больна... очень больна, а у нея нѣтъ ни копѣйки денегъ, чтобы позвать доктора... А безъ доктора она умретъ... навѣрное... Мартикъ очень плачетъ, бѣдный... Ему Дуня говорила... знаешь, дѣвчонка, которая вызывала Мар-

тика въ прихожую на этой недѣлѣ? Надо ему помочь...

Сережа очень волновался и поэтому все выходило у него нескладно, но Принцъ, несмотря на это, все сразу понялъ и думалъ теперь, какъ бы помочь Мартикиной мамѣ.

— Экая досада!—вскрикнулъ онъ такъ громко, что спавшій рядомъ, по другую его сторону, Жучокъ разомъ вскочилъ и, безсмысленно уставившись сонными глазами въ одну точку, залепеталъ быстро и невнятно спросонья:

— Два чижа и одна канарейка... одна канарейка... одна канарейка... желтень-кая!

— Фу, глупый какой! Это ему канарейку и чижей отецъ на именины третьягодня подарилъ,—засмѣялся въ подушку Сережа,—а онъ такъ радъ, что бредитъ ими во снѣ... Ты смотри,—добавилъ онъ, строго взглянувъ на Принца,—про Мартика ни слова... Ни гу-гу! Я тебѣ сказалъ по-секрету.

— Ладно, слышалъ! — отвѣтилъ Принцъ и, полежавъ минуту съ тою-же мыслью о томъ, чѣмъ-бы помочь Мартику, неожиданно дернулъ своего сосѣда Жучка за конецъ одѣяла.

— Два чижа... и одна канарейка, — залепеталъ было снова мальчуганъ спросонья, но Принцъ вскочилъ къ нему на постель и выдернулъ изъ-подъ головы Жучка подушку.

Жучокъ сѣлъ на постели и протеръ глаза.

— Ну, слава Богу, проснулся! слушай,—и Принцъ, наклонясь къ самому уху Жучка, зашепталъ чуть

слышно все, что услышалъ минуту тому назадъ отъ Сережи.—Только ты смотри—никому не проболтайся, это секретъ! — добавилъ внушительно Принцъ, окончивъ свой разсказъ о Мартикиномъ несчастьѣ, и повернувшись къ Жучку спиною, сталъ снова совѣтоваться съ Сережей, какъ помочь Миллеру.

А Жучокъ уже будилъ, спавшаго по лѣвую его сторону, Грушина:

— Рыженькій, проснись! Проснись сейчасъ, а то я тебя водой оболью, — говорилъ онъ и тащилъ мычавшаго Рыжаго за рукавъ рубашки.

При этой угрозѣ Грушинъ вскочилъ, какъ встрепанный, и сталъ браниться:

— Вотъ гадкіе мальчишки, спать не даютъ по ночамъ! Погоди, вотъ я завтра Пушкѣ на тебя пожалуюсь...

— Стой, Рыженькій! — молящимъ шопотомъ продолжалъ Жучокъ,—стой, не засыпай! Слушай...

— Ну?

— У Мартика Миллера мама больна... денегъ нѣтъ, лѣчиться не на что... Придумай, что сдѣлать! Мы думали, думали...

— Кто думалъ? — такъ-же мрачно спросилъ Грушинъ, окончательно проснувшись.

— Я думалъ, Принцъ и Горинъ.

— Ну, и что-же?

— Да ничего не выдумали. Подумай теперь ты и разбуди Сторка. Пусть и онъ подумаетъ. Только самъ никому не говори и ему скажи, чтобы не говорилъ: это по-секрету!

— Ладно...—согласился Рыжій.

— Сторкъ, а, Сторкъ, проснись, — затормошилъ онъ своего сосѣда.—Экая соня!

Такимъ образомъ секретъ Мартика Миллера обошелъ всю спальню въ какіе-нибудь полчаса. Мальчики, разбуженные другъ другомъ, за исключеніемъ самого Мартика, наплакавшагося вдоволь за день и теперь спавшаго тяжелымъ сномъ въ своей постелькѣ, всѣ собрались на кровати Принца и всѣ сообща стали придумывать средство какъ-бы помочь Мартикиной мамѣ.

Разговоры велись тихимъ шопотомъ, чтобы не разбудить Василія Ивановича, спавшаго за стѣною, и самого измученнаго Мартика. Спорили долго и горячо... Наконецъ, Принцъ изо всей силы шлепнулъ себя ладонью по лбу и вскричалъ:

— Ба! придумалъ!

— Что? Что?—потянулись къ нему со всѣхъ сторонъ всклокоченныя, заспанныя головенки.

— Придумалъ! — повторилъ онъ звонкимъ шопотомъ,—придумалъ! Слышите, братцы: мы разыграемъ лотерею!

— Вотъ это здорово!—похвалилъ Морозко,—люблю друга за умъ!—и полѣзъ цѣловаться съ Принцемъ.

— Лотерею! лотерею! — зашептали мальчики. — Прекрасная мысль—лотерея!

— Мы разыграемъ все, что у насъ есть самаго лучшаго! — продолжалъ ораторствовать Принцъ, — а вырученныя деньги отдадимъ Миллеру на лѣченіе его матери. Согласны?

— Всѣ согласны, всѣ, всѣ! — подхватили мальчуганы и каждый изъ нихъ теперь потянулся обнять Принца за его умную выдумку.

Черезъ полчаса всѣ 12 мальчиковъ спали въ своихъ постеляхъ самымъ крѣпкимъ, глубокимъ дѣтскимъ сномъ.

ГЛАВА XXXI.

Лотерея.

На слѣдующій день, между завтракомъ и дообѣденными уроками, на каѳедрѣ, стоявшей посреди младшаго отдѣленія, высилась цѣлая груда самыхъ разнообразныхъ предметовъ.

Добрые маленькіе пансіонеры горячо откликнулись на горе несчастнаго Мартика и каждый пожертвовалъ для лотереи все, что имѣлъ самаго цѣннаго.

— Что ты дѣлаешь, Принцынька?—испуганно произнесъ Сережа, видя, что Принцъ написалъ на одномъ изъ билетиковъ, предназначенныхъ для разыгрыванія лотереи, «золотые часы».

Сережа зналъ, что Принцъ очень гордится своими «настоящими» часами, которые, не снимая, носитъ въ боковомъ карманѣ куртки, совсѣмъ какъ взрослый.

— Такъ чтожъ такого! — усмѣхнулся въ отвѣтъ Вакулинъ,—не бѣда! Ну, были часы, а теперь не будутъ. Вѣдь другіе больше, чѣмъ я, сдѣлали для Миллера. Смотри, Грушинъ пожертвовалъ для лотереи

свою коллекцію бабочекъ, которую собиралъ цѣлое лѣто, а Жучокъ канарейку, которую ему третьягодня подарили... Вѣдь ты пожертвовалъ канарейку, Жучокъ, правда? — неожиданно обратился къ проходившему мимо нихъ въ эту минуту Изюмину.

— Эка невидаль—канарейка!—воскликнулъ съ дѣланною веселостью Жучокъ, но Сережа тутъ-же увидѣлъ по глазамъ мальчика, какъ ему страшно жалко разстаться со своею птичкой,—экая невидаль! У меня останутся два чижика. А на будущій годъ я попрошу папу и онъ опять мнѣ подаритъ къ именинамъ канарейку,—такую-же! еще лучше!

Пѣтухъ ничего не имѣлъ, что-бы можно было пожертвовать для лотереи, но, нимало не смущаясь, взялъ ножницы, отрѣзалъ со своего костюмчика двѣ большія перламутровыя пуговицы и положилъ ихъ съ прочими вещами на каѳедру.

Мартикъ, видя всѣ эти приготовленія, блѣдный, взволнованный отъ счастья, поминутно подходилъ то къ одному, то къ другому товарищу и молча обнималъ его съ глазами полными признательныхъ слезъ.

Лотерея была назначена послѣ обѣда, ровно въ 6 часовъ. По просьбѣ Принца, краснощекая Паша принесла изъ кухни большую кастрюлю и поставила ее на отдѣльный столикъ подлѣ каѳедры. Въ кастрюлю Принцъ съ помощью Грушина и Сережи положилъ билетики, свернутые въ трубочку, съ нумерами, которые долженъ былъ покупать каждый желающій принять участіе въ лотереѣ. Такіе же точно билетики, но уже не свернутые, съ тщательно надписанными нумерами,

были пришпилены къ каждой изъ вещей, лежащихъ на каѳедрѣ. Одинъ билетикъ лежалъ особо, безъ вещи, онъ обозначалъ выигрышъ—канарейку, которая была у Жучка дома и которую онъ громогласно обѣщалъ принести тому, кто ее получитъ, въ слѣдующій-же понедѣльникъ.

Старшіе, услышавъ, что у малышей устраивается лотерея, гурьбой прибѣжали въ младшее отдѣленіе и заявили свое желаніе быть также участниками въ ней.

— Если только билеты не дороги!— благоразумно заявилъ Валерикъ.

— О, нѣтъ!—поспѣшилъ его успокоить Сережа,— всего только по 10 копѣекъ штука.

Пришла Пушка и, поощрительно улыбаясь и кивая дѣтямъ, купила у мальчиковъ цѣлыхъ 10 билетовъ. Пришелъ поваръ Сидоръ изъ кухни и горничная Паша и даже степенный, не выходившій никогда изъ прихожей, сторожъ Вавилычъ.

Воспитатели старшаго и младшаго отдѣленія тоже накупили билетовъ, къ тому-же каждый изъ пансіонеровъ, имѣвшій карманныя деньги, не поскупился на доброе дѣло.

Когда всѣ билеты были куплены и занимавшійся ихъ продажей Принцъ, стоявшій у кастрюли и клавшій деньги въ большую жестянку отъ печенья, серьезнымъ тономъ попросилъ развернуть билетики, въ классѣ поднялась ужасная суматоха.

Мальчики выиграли по большей части пустяки: кто карандашъ, кто тетрадки, пеналы или пуговицы съ костюмчика Пѣтуха. Но за то Пушка пріобрѣла

цѣлую массу сокровищъ, между которыми оказались и часы Принца, и канарейка Жучка, и хорошенькая бронзовая чернильница, пожертвованная для лотереи Сережей.

— Вотъ кому счастье, — пробурчалъ Грушинъ, передавая свою коллекцію бабочекъ Сторку, выигравшему ее.

— Хорошо, если у нея есть знакомый мальчикъ,— разсудительно произнесъ подошедшій Морозко,—и она можетъ подарить ему часы Принца.

— Ну, Жучокъ, прощайся со своей канареечкой,— поддразнивалъ мальчика веселый Пѣтухъ, — увидишь, Пушка изъ нея велитъ сдѣлать жаркое, потому что она любитъ поспать, а твоя канарейка ужь навѣрное не дастъ ей по утрамъ покоя своимъ чириканьемъ.

— Ну, вотъ еще! канареекъ не ѣдятъ!—отвѣтилъ Жучокъ, стараясь отвернуться отъ товарища и не показать ему своихъ глазъ, наполненныхъ теперь слезами.

Жучокъ отлично зналъ, что Пушка не зажаритъ его птичку, но все-таки ему было безконечно жаль передавать въ чужія руки свою хорошенькую желтенькую пѣвунью.

— Дѣти!—раздался какъ-разъ въ эту минуту голосъ Пушки, — вашъ сегодняшній поступокъ, — помощь, оказанная вами вашему маленькому товарищу,—доказываетъ, что у васъ у всѣхъ добрыя, славныя сердечки. Я очень рада, что мои маленькіе шалуны оказываются такими прекрасными мальчиками. Чтобы какъ-нибудь наградить васъ за вашъ великодушный

поступокъ, мы, т.-е. воспитатели ваши и я, рѣшили возвратить вамъ выигранныя нами вещи. Ты, Вакулинъ, бери твои часы, ты, Горинъ, свою чернильницу, а ты, Изюминъ, можешь оставить твою канарейку дома и не приносить ее изъ отпуска...

И, положивъ выигранныя вещи снова на каѳедру, Антонина Васильевна, ласково кивнувъ дѣтямъ, вышла изъ класса.

На минуту въ классѣ воцарилась полная тишина. Потомъ мальчики, притихшіе отъ поразившей ихъ радостной неожиданности, вдругъ громко заговорили всѣ разомъ, перекрикивая одинъ другого:

— Вотъ она какая добрая!—слышалось въ одномъ углу.

— А мы-то думали, что она злючка,—неслось изъ другого.

— Тише, тише!—унималъ расходившихся пансіонеровъ Василій Ивановичъ.

— Братцы, — стараясь перекричать весь классъ, воскликнулъ Принцъ,—даю торжественное слово, что съ сегодняшняго дня буду стараться какъ можно меньше шалить и проказить!

— И я!

— И я!

— И я тоже!—раздалось изо всѣхъ угловъ класса.

— Вотъ и отлично,—подхватилъ Жучокъ,—идемте всѣ сейчасъ же къ Антонинѣ Васильевнѣ и скажемъ ей объ этомъ.

— Да, да! идемъ, сейчасъ-же!

— Нѣтъ, лучше Василія Ивановича попросимъ,

пусть онъ и передастъ отъ нашего имени начальницѣ!—предложилъ Принцъ.

— Да, да! Василія Ивановича!—разомъ согласились мальчики и, окруживъ тѣсной толпой воспитателя, стали его просить исполнить ихъ порученіе.

Василій Ивановичъ, очень добрый отъ природы человѣкъ, не заставилъ себя долго упрашивать и пошелъ по порученію своихъ питомцевъ въ комнату начальницы.

Едва-только онъ скрылся за дверью, какъ Принцъ вскочилъ на стулъ, оттуда на столъ, со стола на каѳедру, и взмахнувъ линейкой, громкимъ голосомъ заявилъ притихшимъ въ ожиданіи его словъ товарищамъ:

— Шалить мы больше не будемъ — это разъ, и называть ее Пушкой тоже не будемъ—это два. Нехорошо обижать даже заглазно, если она оказалась такою хорошей. Слышите всѣ? Пушки нѣтъ! Есть тетя Тоня! это три!

И, соскочивъ съ каѳедры на полъ при громкомъ ура всего класса, Принцъ окинулъ блестящимъ взоромъ своихъ друзей и подтвердилъ уже много тише:

— Тетя Тоня! Не забудьте-же! Поняли всѣ!

— Поняли, поняли! всѣ поняли! молодецъ, Принцъ! ура, Принцъ!—прокричали мальчики.

Потомъ всѣ сообща стали считать выручку отъ лотереи, высыпанную на каѳедру изъ жестяной коробки.

Въ тотъ-же вечеръ Принцъ вручилъ Мартику Миллеру цѣлыхъ 10 рублей на лѣченіе его матери.

ГЛАВА XXXII.

Циркъ Чинизелли.

ХОТЯ мальчики дали себѣ торжественное обѣщаніе не шалить и вести себя вполнѣ благопристойно, какъ подобаетъ умнымъ маленькимъ пансіонерамъ, но сдержать такое обѣщаніе оказалось куда труднѣе, нежели они предполагали.

По краней мѣрѣ Принцъ совсѣмъ позабылъ о немъ, когда однажды въ перемѣну между двумя уроками объявилъ во всеуслышаніе классу, что сегодня у нихъ въ спальнѣ ночью будетъ дано большое представленіе цирка Чинизелли.

Надо-же было случиться, что въ этотъ день воспитатель уѣхалъ изъ города къ своей заболѣвшей сестрѣ, и мальчики знали, что онъ не вернется раньше слѣдующаго утра. Поэтому новая затѣя Принца была принята съ шумнымъ взрывомъ восторга.

Когда послѣ ужина младшее отдѣленіе пришло въ спальню, маленькіе пансіонеры скорѣе, чѣмъ когда-либо, раздѣлись, умылись на ночь и юркнули въ свои постели.

Дежурившій въ этотъ день, вмѣсто отлучившагося Василія Ивановича, Валерикъ не могъ нахвалиться на рѣдкое поведеніе малышей.

— Вотъ, если-бы вы всегда такъ вели себя!—произнесъ онъ, уходя изъ спальни и гася по дорогѣ большую лампу.

— Спокойной ночи, господинъ Валерикъ, и счастливаго пути! — самымъ кроткимъ голосомъ пискнулъ Жучокъ вслѣдъ старшему пансіонеру.

— Тссъ! — прошипѣлъ испуганно Принцъ, — онъ догадается!

Но Валерикъ ни о чемъ не догадался и спокойно направился въ свою спальню старшаго отдѣленія. Лишь-только его высокая, тонкая, какъ палка, фигура скрылась за дверью, какъ со всѣхъ постелей разомъ соскочили всѣ двѣнадцать мальчиковъ и столпились у кроватей Принца и Сережи.

— Прежде всего надо сдвинуть постели, чтобы образовалась площадка—это и будетъ арена цирка,—командовалъ Принцъ.—Кругомъ мы поставимъ зажженные огарки... Ты, Грушинъ, будешь лошадью, я наѣздницей, Сережа пусть ходитъ по канату—онъ акробатъ. А Жучокъ и Пѣтухъ будутъ клоуны. Остальные всѣ садитесь на полъ! Просятъ только почтенную публику не очень громко апплодировать, а то придетъ начальница и всѣмъ попадетъ на орѣхи.

Говоря это, Принцъ, съ помощью Грушина, зажигалъ огарки свѣчей, вытащенные имъ изъ его ночного столика и Богъ знаетъ откуда пріобрѣтенные имъ. Зажженные огарки онъ разставилъ полукругомъ

на полу, а затѣмъ наскоро придѣлалъ на себя, съ помощью булавокъ, коротенькую, какъ у наѣздницъ, юбку изъ газетной бумаги и въ то-же время помогалъ Жучку и Пѣтуху пудрить лица зубнымъ порошкомъ и мазать щеки золой изъ печи, какъ подобаетъ настоящимъ клоунамъ. Остальные мальчики важно разсѣлись на полу въ два ряда, изображая изъ себя публику.

— Динь, динь, динь!—позвонилъ въ воображаемый колокольчикъ Морозовъ, и въ ту-же минуту Жучокъ и Пѣтухъ выскочили, перепрыгнувъ черезъ горящіе огарки свѣчей, на арену.

Они гримасничали, хохотали, награждали другъ друга шлепками, какъ настоящіе клоуны, которыхъ не разъ видѣли въ циркѣ. Наконецъ, разошедшійся не въ мѣру Жучокъ захотѣлъ поддать Пѣтуха ногою сзади, чтобы онъ подпрыгнулъ, но вмѣсто того, чтобы попасть въ спину Пѣтуху, попалъ ему въ носъ.

Изъ носу тотчасъ потекла алая струйка крови, и Пѣтухъ заревѣлъ во все горло, совсѣмъ уже не по-клоунски, а по-настоящему, да вдобавокъ еще такъ громко, точно ему совсѣмъ оторвали носъ. Заревѣлъ и Жучокъ отъ страха, что сломалъ носъ Пѣтуху. Обоихъ пострадавшихъ увели съ арены подъ-ручки Сторкъ и Морозовъ, изображавшіе капельдинеровъ цирка. Мальчики, стоя у мѣднаго рукомойника, еще долго кричали и бранились, Пѣтухъ — придерживая свой распухшій отъ удара колѣнки носъ, а Жучокъ — размахивая руками и стараясь доказать Пѣтуху, что это только игра и что сердиться другъ на друга даже и настоящіе клоуны не смѣютъ.

Между тѣмъ тѣ-же Сторкъ и Морозовъ протянули между двумя кроватями толстую веревку и, придерживая ее еще за оба конца обѣими руками, предложили акробату Сережѣ пройтись по «канату».

Однако, Сережа, какъ ни боялся прослыть трусомъ въ глазахъ товарищей, но влѣзть и идти по веревкѣ, слабо привязанной на цѣлый аршинъ отъ пола, не рѣшался... Къ тому-же, ржавшій отъ нетерпѣнія конь-Грушинъ съ наѣздницей-Принцемъ на спинѣ такъ и порывался, ставъ на четвереньки, прыгнуть на арену. И публика требовала скорѣйшаго исполненія нумера верховой ѣзды гораздо громче, нежели акробатическихъ штучекъ такого неумѣлаго акробата, какимъ оказался Сережа. Потому послѣдній благоразумно уступилъ свое мѣсто Грушину и Принцу.

Грушинъ неуклюжими прыжками, до слезъ потѣшавшими юную публику, и съ продолжительнымъ ржаніемъ выскочилъ на арену.

— Браво, Грушинъ! Принцъ, браво! — кричали мальчики и неистово хлопали въ ладоши.

Принцъ, на головѣ котораго высился въ видѣ шляпы большой мѣшокъ изъ сахарной бумаги, любезно раскланивался на всѣ четыре стороны со спины Грушина, гдѣ онъ сидѣлъ такъ-же спокойно, какъ въ креслѣ. Потомъ, желая очевидно подражать настоящей наѣздницѣ, онъ осторожно всталъ на ноги на спинѣ Рыжаго и, вытянувшись во весь ростъ, крикнулъ безстрашно.

— Въ галопъ! Въ галопъ! Живо!

И Грушинъ помчался галопомъ, рискуя ежеминутно свалить Принца со своей спины на полъ.

Публика апплодировала неистово, выражая свое полное одобренія прыткому коню и храброй наѣздницѣ. И вдругъ, среди общаго гвалта и шума, раздался пронзительный испуганный голосокъ Мартика Миллера:

— Принцъ! Принцъ! ты горишь, Принцъ!

ГЛАВА XXXIII.

Принцъ горитъ!

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, воздушная бумажная юбочка Принца горѣла съ одного боку. Въ пылу игры, мальчикъ не замѣтилъ, какъ близко подъѣхалъ на спинѣ своего воображаемаго коня къ одному изъ огарковъ, стоявшихъ на полу, и задѣлъ его прицѣпленнымъ къ таліи листомъ газетной бумаги.

Когда Мартикъ, увидѣвшій пламя на юбкѣ Принца, закричалъ не своимъ голосомъ, тутъ только остальные мальчики и самъ Принцъ замѣтили несчастье.

Испуганные на-смерть, они вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились со всѣхъ ногъ къ Принцу, стараясь потушить охватившее его пламя, какъ обыкновенно тушатъ горящую свѣчу. Но этимъ они только раздували и увеличивали огонь, да и самъ Принцъ, метавшійся отъ страха по комнатѣ, производилъ движеніемъ вѣтеръ, отъ котораго огонь разгорался все сильнѣе и сильнѣе.

Если-бы мальчики были немного постарше и по-

умнѣе, они бы поняли, что движеніе благопріятствуетъ огню, и постарались бы помочь Принцу болѣе подходящимъ средствомъ. Но они были еще очень малы и глупы и къ тому же на-смерть испуганы видомъ горящаго Принца.

Между тѣмъ огонь уничтожилъ въ одну минуту бумажную юбочку и принялся теперь за длинную ночную рубашку мальчика, обжигая нѣжное дѣтское тѣльце Принца. Одинъ изъ огненныхъ языковъ достигъ до кудрявой головки и вмигъ запылали чудесные бѣлокурые локоны Принца. Онъ рыдалъ навзрыдъ отъ боли и страха; мальчики метались, какъ безумные, не зная за что схватиться, за что приняться. Сережа и Мартикъ Миллеръ потеряли сознаніе и лежали безъ чувствъ посреди спальни. Но никто на нихъ не обращалъ вниманія; всѣ были поглощены одною только мыслью, какъ-бы потушить огонь и спасти Принца.

Крикъ и шумъ въ спальнѣ маленькихъ былъ ужасный.

Въ ту самую минуту, когда несчастный Принцъ былъ уже весь охваченъ пламенемъ, въ спальню неожиданно вбѣжала Антонина Васильевна, разбуженная криками, донесшимися въ ея комнату изъ дортуара младшихъ.

Она схватила одѣяла и подушки съ ближайшихъ постелей и, толкнувъ горящаго Принца на полъ, забросала его ими... Огонь сразу потухъ. Изъ-подъ груды вещей послышались стоны.

— Слава Богу, Принцъ живъ!—произнесла Пушка

и, освободивъ мальчика изъ-подъ кучи наваленныхъ на него одѣялъ и подушекъ, подняла его и съ помощью Морозова и Грушина, считавшихся самыми сильными въ классѣ, понесла въ лазаретъ.

Безчувственныхъ Сережу и Мартика тоже подняли оставшіеся мальчики и уложили по постелямъ.

Всѣ говорили теперь шопотомъ, на-смерть перепуганные происшествіемъ, и никто изъ нихъ не могъ спать въ эту ночь. Такъ весело началась сегодняшняя затѣя и такъ плохо кончилась для ихъ веселаго, любимаго маленькаго друга.

ГЛАВА XXXIV.

ПРИНЦЪ получилъ сильные обжоги на всемъ тѣлѣ. Длинные локоны мальчика сгорѣли до корней: ихъ пришлось сбрить на-голо.

Бѣдный Принцъ очень страдалъ.

Докторъ ходилъ ежедневно навѣщать его. Мальчикъ былъ боленъ очень долго и очень серьезно. Въ паникѣ думали, что Принцъ умретъ, и многіе изъ его товарищей, въ томъ числѣ Сережа, горько плакали втихомолку. Другіе сидѣли нахмуренные и скучные все время, игры и шалости никому не шли теперь на умъ.

Только передъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, въ то время, когда мальчиковъ распускали на рождественскія каникулы, Принцъ, выписавшійся изъ лазарета, вернулся въ классъ.

Похудѣвшій, поблѣднѣвшій, выбритый, со слѣдами обжога на лицѣ и рукахъ, онъ очень мало походилъ

теперь на прежняго хорошенькаго, кудряваго мальчика, какимъ былъ до болѣзни.

Но всѣ его товарищи, настрадавшіеся боязнью за его жизнь, страшно обрадовались выздоровленію Принца. Сережа такъ и повисъ у него на шеѣ.

— Принцынька, миленькій! выздоровѣлъ!—ласково лепеталъ Мартикъ Миллеръ, умильно глядя въ глаза ихъ общаго любимца.

Сережина мама просила начальницу отпустить Принца на рождественскія каникулы къ нимъ. Сначала Антонина Васильевна долго не соглашалась, говоря, что лишній мальчикъ въ домѣ прибавитъ и лишнія заботы, да еще особенно такой шаловливый мальчикъ, какимъ былъ Принцъ, но когда г-жа Горина сказала ей, что Принцъ достаточно наказанъ за его шалости ужаснымъ испугомъ и болѣзнью и что врядъли у него не пропала охота на новыя проказы и крупныя шалости, то, подумавъ немного, начальница согласилась отпустить Принца въ отпускъ къ Горинымъ.

Наканунѣ дня разъѣзда пансіонеровъ на праздничное время по домамъ, Антонина Васильевна позвала Принца въ свою комнату.

— Видишь-ли, Вакулинъ, шалости никогда не доводятъ до добра,—произнесла Антонина Васильевна ласково, когда худенькая, бритая головка Принца предстала передъ нею. Надѣюсь же, ты постараешься удерживаться отъ твоихъ проказъ и не оставишь въ чужомъ домѣ послѣ себя дурного впечатлѣнія? Я вѣдь очень люблю тебя, мой мальчикъ, и страшно боюсь, какъ-бы опять не случилось съ тобой чего дурного!—

еще ласковѣе произнесла начальница и притянула Принца къ себѣ.

У Принца не было матери... Она умерла, когда мальчику было два года, и онъ не зналъ ея, какъ не зналъ материнской ласки.

Слова Антонины Васильевны звучали такой добротой, такой искренней любовью, какую только можно встрѣтить въ сердцѣ родной матери.

А у Принца было доброе маленькое сердечко, несмотря на то, что онъ былъ самый отъявленный шалунъ изъ всего пансіона... Отъ ласковыхъ рѣчей начальницы это сердечко Принца какъ-то разомъ размякло, и слезы хлынули изъ его глазъ.

— Какая вы чудесная! какая добрая! — лепеталъ онъ, заикаясь.—А я-то... я-то... какъ часто сердилъ и огорчалъ васъ... Теперь я вижу, что я самый негодный маленькій мальчикъ.

— Вовсе нѣтъ, — успокаивала его добрая начальница.—Котя Вакулинъ прекрасный маленькій человѣчекъ! не смѣй его бранить, я не позволяю! А лучше скажи ему, чтобы онъ далъ свое слово въ томъ, что никогда не будетъ проказничать такъ много! Скажешь?

— Скажу! — убѣжденно произнесъ Принцъ и, подумавъ, добавилъ тихо:—Я уже сказалъ ему...

— И что же онъ отвѣтилъ?—спросила съ улыбкой начальница.

— Онъ отвѣтилъ... что даетъ слово васъ слушаться! И онъ его сдержитъ!

И совсѣмъ позабывъ, что передъ нимъ его прежъ-

няя строгая начальница, Принцъ крѣпко обнялъ за шею Антонину Васильевну и, поцѣловавъ ее съ дѣтской горячностью въ ея полныя щеки, шепнулъ:

— Да, я сдержу слово, добрая, дорогая тетя Тоня..!

КОНЕЦЪ.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА ВОЛЬФА

Собраніе разсказовъ и повѣстей извѣстныхъ русскихъ авторовъ, — преимущественно изъ русской жизни и русскаго быта. Каждая книжка заключаетъ въ себѣ совершенно законченное произведеніе, отпечатанное на веленевой бумагѣ четкимъ и яснымъ шрифтомъ.

1. Груня. Разсказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

2. Красный фонарь. Разсказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

3. Дуня Перехватова. Разсказъ К. С. Баранцевича. Съ 1 отд. карт. худ. А. Скиргелло. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

4. Митина нива. Разсказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

5. Звѣздочка. Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. Н. Н. Ольшанскаго. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

6. Птицеловъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

7. Крестьянская свадьба. Разсказъ для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

8. Мунька. Похожденія одной собаки. Разсказъ К. Станюковича. Съ 4 отд. карт. и со миог. рис. въ текстѣ А. И. Сударушкина и др. худ. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

9. Счастье быть богатымъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

10. Канунъ Рождества. Повѣсть для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

11. Вербы. Разсказъ С. М. Макаровой. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

12. Свѣтлый Праздникъ. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

13. Пангеранъ-Пугаръ, яванскій охотникъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

14. То—что можно. Разсказъ А. В. Круглова. Съ 6 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

15. Петро Акчимъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

16. Семикъ и Троицынъ день. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

17. Ночь на Ивановъ день. Разсказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

18. Какъ поймать солнечный лучъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

19. Субала, добродушный слонъ. Разсказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

20. Гаранька. Разсказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 4 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

21. Петрусь Мартынюкъ. Повѣсть Н. Н. Брешко-Брешковскаго. Съ 4 отд. карт. худ. В. В. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

22. Чайка. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 2 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

23. Бѣдные индусы. Повѣсть М. Б. Чистякова. Съ 4 отд. карт. худ. Н. Богданова. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

24. Домикъ съ цвѣтами. — Старый садовникъ. Разсказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. и съ 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

25. Орландъ. — Поэтъ и соловей. Разсказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

26. Выѣздъ въ деревню. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

27. Воспоминанія моего товарища. Разсказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. И. В. Симакова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

28. Доброе слово. Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

29. Сюрпризъ. Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

30. Наташа Гордѣева. Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

31. Друзья. Разсказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

32. Шмуэль. Разсказъ для дѣтей В Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

33. Горькая судьба. Разсказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

34. Промелькнувшее счастье. Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 4 отд. иллюстр. и 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

35. Нѣмецъ и Страшилищѣ. Два разсказа изъ гимназ. и студ. жизни И. Н. Потапенко. Съ рисунками В. Полякова и А. Юмудскаго. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

НАША БИБЛІОТЕКА

3 р. СОБРАНІЕ ЛУЧШИХЪ КНИГЪ 3 р.
ДЛЯ ДѢТЕЙ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ

Подъ общимъ названіемъ «Наша Библіотека» Товариществомъ М. О. Вольфъ предпринято изданіе цѣлаго ряда книгъ для дѣтей, — книгъ, отличающихся, съ одной стороны, прекраснымъ внутреннимъ содержаніемъ, съ другой — изящною внѣшностью, обиліемъ рисунко въ, четкою печатью, бумагою наилучшаго сорта и проч. Въ составъ «Нашей Библіотеки» входятъ книги для всѣхъ возрастовъ начиная съ самаго младшаго (т.-е. дѣтей, только-что начинающихъ читать) и кончая книгами для юношества. Въ «Нашей Библіотекѣ» есть и сказки, и коротенькіе разсказы, и популярно-научныя сочиненія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ. По внѣшности книги, вошедшія въ составъ «Нашей Библіотеки», представляютъ собою роскошнѣйшія русскія книги для дѣтей.

Каждый томъ «Нашей Библіотеки» составляетъ отдѣльное цѣлое. Цѣна одного тома, въ богатомъ золотисненномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ въ футлярѣ—3 р.

1. **НИКОЛАЙ НИКЛЬБИ.** Романъ Чарльза Диккенса. Изданіе для юношества. Съ 13 отдѣльными картинами и 34 рис. въ текстѣ.
2. **СБОРНИКЪ БАСЕНЪ** Крылова, Хемницера, Дмитріева и Измайлова. Съ 26 отдѣльными гравюрами Густава Доре, Шарлеманя, Евгенія Ламбера, Гранвиля и съ 22 рисунками въ текстѣ.
3. **БѢЛАЯ МЫЗА,** или открытія Коли на берегу Чернаго моря. Разсказъ для дѣтей средняго возраста **В. Л. Ранцова.** Съ 9 отдѣльными картинами и 82 политипажами.
4. **ДАВИДЪ КОППЕРФИЛЬДЪ.** Романъ Чарльза Диккенса. Изданіе для юношества. Съ 14 отдѣльными картинами и 36 рисунками въ текстѣ.
5. **КРАСНЫЙ ФОНАРЬ, МИТИНА НИВА** и другіе разсказы для дѣтей **Н. Г.** Вучетича. Съ 7 отдѣльными картинами В. Полякова и со многими рисунками въ текстѣ (разсказы «Красный фонарь» и «Митина нива» удостоены преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества).
6. **И Я ЧИТАЮ.** Разсказы для маленькихъ дѣтей, собранные кружкомъ матерей, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ, крупнымъ шрифтомъ.
7. **РАЗСКАЗЫ В. И. Немировича-Данченка** для дѣтей старшаго возраста, съ рисунками въ текстѣ художн.: Левченко, Юмудскаго, Далькевича и другихъ.
8. **ПАВЕЛЪ и ВИРГИНІЯ.** Романъ Бернардена де Сенъ-Пьера, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ художника Лелоара.
9. **ПРИКЛЮЧЕНІЯ СПИРИДОНА.** Повѣсть для юношества А. В. Круглова. Съ 13 отдѣльными картинами и 51 рисунками въ текстѣ. А. И. Сударушкина и др.
10. **ЦАРСТВО МАЛЮТОКЪ.** Приключенія Мурзилки и лѣсныхъ человѣчковъ въ двадцати семи разсказахъ А. Б. Хвольсонъ съ 182 рисунками П. Кокса.
11. **ЧТО ВИДИТЪ ЗВѢЗДОЧКА** и другіе разсказы для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, съ 26 отдѣльными картинами и со многими рисунками въ текстѣ.
12. **ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОКЪ** и другіе разсказы К. С. Баранцевича, съ портретомъ автора, 17 отдѣльными картинами и 25 рисунками въ текстѣ.

2015188365